

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

НАШ ДОМ

ЛУИЗА КЭНДЛИШ

Психологический триллер (АСТ)

Луиза Кэндлиш

Наш дом

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кэндлиш Л.

Наш дом / Л. Кэндлиш — «Издательство АСТ»,
2018 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-120940-7

Сколько нужно времени, чтобы привычная жизнь разделилась на «до» и «после»? Сколько нужно времени, чтобы реальность разлетелась на осколки? Еще недавно Фиона Лоусон была обычной разведенной женщиной, жившей в собственном доме с детьми, над которыми они с бывшим мужем Брамом получили совместное опекунство. Теперь же в ее дом пытаются въехать незнакомые люди, а Брам бесследно исчез. Очевидно, что за мошеннической сделкой стоит Брам. Но что вынудило его внезапно пойти на такое преступление? И где он скрывается? Фиона начинает собственное расследование. Она все еще надеется, что произошла какая-то ужасная ошибка, и даже не подозревает, что уже рискует собственной жизнью...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-120940-7

© Кэндлиш Л., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	39
Глава 12	41
Глава 13	45
Глава 14	49
Глава 15	52
Глава 16	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Луиза Кэндлиш

Наш дом

Неподражаемой С. Дж. В.

Глава 1

13 января 2017 г., пятница

Лондон, 12:30

Этого не может быть!

Похоже, кто-то въезжает в ее дом.

Неподалеку припаркован фургон, из его квадратной пасти высовывается металлический язык – пандус, по которому сползает мебель. Щурясь от ласкового солнечного света – редкого подарка для этого времени года, Фия наблюдает за тем, как двое мужчин вносят мебель через калитку и идут вниз по дорожке.

Моя калитка. Моя дорожка.

Глупости! Разумеется, это не ее дом. Наверное, к Ризам вселяются, через два дома от нее: осенью они выставили свой участок на продажу, и никто не знает, купили его или нет. Домá по эту сторону Тринити-авеню все построены одинаково: из красного кирпича, в эдвардианском стиле; владельцы единодушно предпочитают красить двери в черный цвет – и все говорят, что здесь легко заблудиться.

Как-то раз Брам возвращался из «Двух пивоваров», куда частенько заходил «пропустить стаканчик», и промахнулся дверью. В открытое окно спальни было слышно, как он, пыхтя, пытается вставить ключ в замок дома № 87, где живут Мерль с Эдрианом. Демонстрируя потрясающее упорство, Брам тщетно старался открыть замок в твердой уверенности, что рано или поздно ключ подойдет.

– Так они же все одинаковые! – заявил он утром в свое оправдание.

– Домá, да, но как ты мог не заметить магнолию, даже если был мертвецки пьян! – засмеялась Фия. Это случилось еще в то время, когда его нетрезвые выходки забавляли, а не вызывали грусть – или брезгливость, в зависимости от настроения.

Фия сбивается с шага: магнолия. Их знаменитое дерево, прекрасное и в цвету, и даже без листьев, как сейчас; голые ветви живописно торчат на фоне неба, словно старинная гравировка. Теперь уже не осталось сомнений: фургон стоит перед их домом.

Так, думай! Скорее всего, это доставка для Брама, просто он не успел предупредить. Что поделать, их новая система общения небезупречна – не все удастся учитывать. Фия снова ускоряет шаги, заслоняясь ладонью от солнца; уже можно различить буквы на борту фургона: «Переезд класса “люкс”». Значит, все-таки переезд. Наверное, друзья Брама решили закинуть лишнюю мебель по пути. Хорошо бы старое пианино для мальчиков (*только не ударную установку!*).

Нет, постойте... Вот снова появились грузчики, продолжают заносить в дом вещи: кресло, большой металлический поднос, коробка с надписью «Осторожно, стекло!»; узкий шкафчик размером с гроб. Чье это? И тут ее обдает жаркая волна гнева. Ах, вот оно что: Брам пригласил друга! Какого-нибудь неприкаянного алкоголика, которому некуда податься («располагайся, приятель, у нас полно места»). А ей, конечно, ни слова! Вот скотина! Ну уж нет, она не собирается пускать в дом чужака – и плевать на самаритянские замашки Брама! Дети важнее всего: разве не в этом был смысл всей затеи?

Кажется, в последнее время они об этом забыли.

Ну вот, еще немного, почти пришла...

Проходя мимо дома № 87, Фия замечает в окне второго этажа Мерль: та машет рукой с озабоченным видом, привлекая внимание. Фия слегка кивает и заходит в калитку.

– А что здесь происходит?

Ее голос тонет в общем шуме.

– Что вы тут делаете? Где Брам? – повторяет она уже громче.

На пороге возникает какая-то женщина.

– Здравствуйте! Могу я чем-то помочь? – приветливо улыбается она.

Фия отшатывается, словно перед ней призрак. Это и есть «неприкаянный друг» Брама? Знакомый типаж, хоть и помоложе (где-то за тридцать): веселая, энергичная блондинка из тех, что готовы засучить рукава и взять ситуацию под контроль. Как показывает практика, именно такой типаж угнетает свободный дух Брама.

– Надеюсь! Я – Фия, жена Брама. Что здесь происходит? Вы... вы его знакомая?

Женщина подходит ближе – вежливая, сосредоточенная.

– Простите, чья жена?

– Брама. Точнее, бывшая жена.

Фия ловит на себе любопытный взгляд. Женщина предлагает отойти в сторону, чтобы не мешать «ребятам». Мимо проплывает гигантская картина, завернутая в специальную упаковку.

– Что он тут затеял? – спрашивает Фия. – Я совершенно не в курсе!

– Боюсь, я вас не понимаю. – На лбу женщины появляется небольшая складка, в золотисто-карих глазах – искреннее недоумение. – Вы живете по соседству?

– Нет, конечно! – Фия начинает терять терпение. – Я живу здесь!

Складка становится глубже.

– Вряд ли. Мы как раз сюда въезжаем. Скоро подъедет муж со вторым фургоном. Мы – Воэны? – представляется незнакомка с вопросительной интонацией, словно Фия о них уже наверняка слышала, и даже протягивает руку. – Я – Люси.

Фия отказывается верить своим ушам – они транслируют в мозг какой-то бред.

– Послушайте, я – хозяйка этого дома. Если бы я его сдала, я бы знала!

На лицо Люси наплывает розовая краска смущения. Она опускает руку.

– Мы не снимаем, мы его купили.

– Не говорите ерунды!

– Так и есть. – Женщина смотрит на часы. – Официально мы вступили во владение в двенадцать; правда, агент отдал нам ключи чуть пораньше.

– Какой еще агент? Я не давала ключей никакому агенту!

Фию раздрают противоречивые чувства: страх, отчаяние, злость, это даже смешно – шутка же, ясное дело, хоть и вселенского масштаба. Что еще?

– Это что, розыгрыш? – Она заглядывает женщине через плечо: где-то прячется камера или ее записывают на мобильник? Однако вокруг никого, только громоздкие ящики проплывают мимо. – Знаете, уже не смешно. Скажите им, чтобы остановились.

– Даже не собираюсь, – твердо парирует Люси Воэн – совсем как Фия в обычной жизни, когда ее не шокируют чем-то вроде этого. Люси досадливо кривит губы, и тут ее осеняет: – Погодите... Как вы сказали – Фия? А полное имя – Фиона?

– Да, Фиона Лоусон.

– А, так вы, наверное... – Люси умолкает, заметив вопросительные взгляды грузчиков, и понижает голос: – Давайте лучше зайдем внутрь.

И Фиону приглашают в ее собственный дом как гостью. Она входит в широкий холл с высоким потолком и замирает. Это не ее дом. Размеры совпадают, та же серебристо-голубая краска на стенах, и лестница на месте. Но вещи, мебель! Ничего не осталось, все разграбили, вынесли до последней нитки! Консольный столик, антикварная скамья, горы обуви и сумок,

картины на стенах... А ее любимое палисандровое зеркало, унаследованное от бабушки!.. Фия дотрагивается до стены, словно надеется, что зеркало где-то здесь, под слоем штукатурки.

– Куда вы дели все наши вещи? – почти кричит она.

Проходящий мимо грузчик бросает на нее укоризненный взгляд, будто Фия создает угрозу для окружающих.

– Никуда не девала, – отвечает Люси. – Вы сами их вывезли. Вчера, я полагаю.

– Ничего я не вывозила! – Фия проталкивается мимо нее. – Мне нужно проверить, что там наверху.

– Ну... – начинает Люси.

Нет, милая, это не просьба. Фие вовсе не требуется разрешение – она у себя дома.

Перескакивая через две ступеньки, Фия бежит вверх. Останавливается на площадке и стоит, вцепившись в изгиб перил цвета красного дерева, словно боится, что дом вот-вот закачается. Надо убедиться, что она не сошла с ума, что это и вправду ее дом.

Так, все двери на месте, ведут куда следует: две ванны посередине, две спальни слева, две справа. Фия отпускает перила и обходит каждую комнату в надежде, что вещи на месте, там же, где и всегда.

Пусто.

Исчезло все нажитое, ни следа – разве что вмятины на ковре, там, где еще сутки назад стояли кровати и шкафы. Вот ярко-зеленое пятно в комнате одного из мальчиков – кто-то расшалился на день рождения, кидаясь шариками со слюзью. В душевой кабине на полке остался тюбик геля с чайным маслом – Фия помнит, как покупала его в «Сэйнсбериз». Пальцы нащупывают трещину на плитке, за кранами, – она появилась недавно, причину так и не установили. Фия жмет на нее до боли, убеждаясь, что все еще состоит из плоти и крови, а нервные окончания функционируют.

Повсюду резкий лимонный запах чистящих средств.

Фия спускается вниз. Непонятно, откуда возникла боль: то ли изнутри, то ли ее излучают стены опустевшего дома.

При ее появлении Люси прерывает совещание с двумя грузчиками. Судя по всему, она отвергла их предложение помочь разобраться с незваной гостьей.

– Миссис Лоусон? Фиона?

– Невероятно... – шепчет Фия. Иначе не скажешь – лишь неверие в происходящее удерживает ее от истерики. – Я не понимаю... Объясните же наконец, что здесь творится?!

– Так я и пытаюсь. Хотите, предъявлю доказательства? – говорит Люси. – Пойдемте на кухню, мы загораживаем проход.

Кухню тоже обообрали начисто. Незнакомый стол, стулья и коробка с чайными принадлежностями. Люси деликатно закрывает дверь, чтобы не травмировать гостью продолжающимся вторжением.

Гостью.

– Вот, смотрите. – Люси протягивает ей телефон. – Письма от нашего поверенного, Эммы Гилкрест из фирмы «Беннет, Стаффорд энд Ко».

Фия берет телефон и пытается сконцентрироваться. Первое письмо, отправленное неделю назад, подтверждает заключение договора между Дэвидом и Люси Воэн с одной стороны и Абрахамом и Фионой Лоусон – с другой. Второе пришло этим утром: сделка завершена.

– Вы зовете мужа Брамом? Вот почему я не сразу сообразила. Конечно, Брам – сокращенное от Абрахам! – В руках Люси держит бумажный листок: счет за газ, адресованный Воэнам на Тринити-авеню. – Мы попросили, чтобы нам присылали счета по электронной почте, а они почему-то кинули в ящик.

Фия возвращает ей телефон.

– Все это ничего не значит. Письма могут быть поддельными – какой-нибудь фишинг¹.

– Фишинг?

– Да! У нас тут недавно была похожая история. Приезжала полиция, собрали всех соседей, целую лекцию нам прочли. Поддельные письма и счета выглядят очень убедительно, даже эксперты порой не отличают!

Люси раздраженно скривила губы.

– Поверьте, письма настоящие. Все настоящее. Деньги уже должны были перевести на ваш счет.

– Какие деньги?

– Те, что мы заплатили за дом! Извините, миссис Лоусон, но я устала повторять одно и то же.

– А я вас и не просила! – огрызается Фия. – Тут какая-то ошибка, вот и все! Невозможно купить дом, который не был выставлен на продажу!

– Разумеется, был – иначе мы бы его не купили!

Фия ошарашенно смотрит на Люси. Что она говорит, что она делает? Все это какой-то бред сумасшедшего! И все-таки Люси не похожа на чокнутую. Наоборот, эта женщина убеждена, что сама разговаривает с ненормальной.

– По-моему, вам стоит позвонить мужу, – советует Люси.

Женева, 13:30

Он лежит на кровати, руки и ноги слегка подергиваются. В номере хороший матрас: специально создан, чтобы поглощать шум, бессонницу, страсть, самые глубокие кошмары – только с нервным возбуждением не справляется. И две таблетки антидепрессантов не помогли. Может, это самолеты действуют ему на нервы своим безжалостным ревом? Носятся туда-сюда, один за другим, стонут под собственным весом...

Да нет, все дело в нем, в его поступке. Надвигается тихое, ужасное осознание того, чем он пожертвовал.

Все, назад пути нет. Пробили швейцарские часы. Полвторого здесь, полпервого в Лондоне. Свершилось то, к чему он мысленно готовился неделями: теперь он уже действительно беглец, а не только в своем сознании; человек, брошенный на произвол судьбы своею же рукой. Только сейчас он начинает понимать, что надеялся испытать нечто вроде мрачного облегчения, но теперь, когда момент настал, осталась лишь гнетущая пустота, а с ней – мутная смесь эмоций, с которыми он выехал из дома рано утром: унылая обреченность, перемешанная с жадой выжить, как ни странно.

О господи! Фия...

Уже знает? Наверняка кто-нибудь увидел, соседи позвонили и сообщили новости. Может, сейчас она уже на полпути к дому.

Он кое-как приподнимается, опираясь затылком о спинку кровати, и пытается сфокусироваться. Красная кожа кресла, черный шпон стола... Эстетика восьмидесятых действует на нервы. Он спускает ноги с кровати. Босые ступни нащупывают теплый пол: кажется, винил или что-то подобное. Фия бы сразу определила, у нее страсть к дизайну интерьера.

При мысли о Фии его пронзает боль, становится трудно дышать. Он поднимается и оглядывается в тщетных поисках свежего воздуха. Номер расположен на пятом этаже, здесь царит жуткая духота – отопление так и шпарит, а окна за многослойными шторами закрыты наглухо. Между отелем и зданием аэропорта снуют машины белые, черные, серебристые; поодаль белоснежные пики гор, отливающие голубоватым с зеленою, надежно отделяют и укрывают от

¹ Фишинг – разновидность интернет-мошенничества, незаконное получение конфиденциальных данных.

внешнего мира. Чувствуя себя в западне, он снова оглядывает комнату. На ум почему-то приходит отец. Пальцы тянутся к креслу, хватаются за спинку. Он не помнит, как называется отель: выбрал ближайший к аэропорту. Да и неважно; здесь так уныло и бездушно – место как раз для него, заслужил.

Потому что продал свою душу. Да, именно так, продал свою душу.

Но еще не успел забыть, каково это – ее иметь.

Глава 2

Март 2017-го

Добро пожаловать на сайт, посвященный знаменитому криминальному подкасту «Жертва», победителю зрительского голосования в категории «Документальные подкасты»! В каждом эпизоде вы узнаете о настоящем преступлении прямо со слов жертвы. Наш подкаст не является расследованием – скорее пристальный взгляд изнутри на страдания невинного человека. Сталкинг, кража личности, семейное насилие, мошенничество! Мы приглашаем вас окунуться в леденящие душу и весьма поучительные для современного человека истории!

Вашему вниманию предлагается свежий эпизод: «Рассказ Фии». Вы можете прослушать запись прямо здесь либо воспользоваться одним из многочисленных приложений для подкастов. Не забудьте поделиться своим мнением в «Твиттере» с хэштегом #жертвафия.

Внимание: содержит оскорбительные выражения.

Сезон 2, эпизод 3: «Рассказ Фии» > 00:00:00

Меня зовут Фиона Лоусон, мне сорок два года. К сожалению, не могу назвать свой адрес – разве что прежний, – так как полтора месяца назад мой муж продал наш дом без моего ведома и согласия. Да, я в курсе: нужно говорить заявляю, еще в самом начале... Ну тогда так: заявляю, что все сказанное мною в этом интервью – чистая правда. В конце концов, юридические документы не врут, не так ли? И эксперты уже подтвердили подлинность его подписи. Детали преступления пока не ясны – как и личность сообщницы, – но я все еще пытаюсь смириться с главным фактом: у меня больше нет дома.

У меня больше нет дома!

Конечно, вы послушаете и сразу скажете: сама виновата! Так всегда говорят, я знаю. Станете вовсю обсуждать в «Твиттере», какая я тупая. Нет, я все понимаю. Я прослушала первый сезон и сама так думала. Между жертвой и дураком очень тонкая грань...

«Не переживайте, миссис Лоусон, это могло случиться с каждым», – утешала меня женщина-полицейский в тот день. А что еще она могла сказать: я безостановочно рыдала, а чашка чая не спасала ситуацию (разве что морфий...).

Не-ет, такое могло случиться только со мной, всепрощающей идеалисткой. Думала, что смогу изменить человеческую натуру, сделать из слабого сильного... Бла-бла-бла.

Почему я решила принять участие в этом подкасте? Всякий, кто знает меня, скажет вам, что я человек очень закрытый. Так зачем же выставлять себя на посмешище? Отчасти я хочу предостеречь людей об опасности. В последнее время мошенничество с недвижимостью приобретает невиданный размах: каждый день в газетах печатают жуткие истории, а полиция и юристы не успевают за современными технологиями. Домовладельцам не следует терять бдительность: «профессионалы» на все способны – да и любители тоже, как выяснилось.

Кроме того, сейчас ведется расследование. Может, кто-нибудь услышит мой рассказ, вспомнит что-то важное, относящееся к делу, и свяжется с полицией. Иногда и сам не знаешь, что относится к делу, пока не выяснишь всех обстоятельств. Вот почему полиция не возражает против моей откровенности. Или, точнее сказать, не запрещает. Как вы, наверное, знаете, меня нельзя принудить давать показания против мужа – брачная привилегия (какая ирония!). Мы все еще женаты, хотя я считаю его бывшим с тех самых пор, как вышвырнула вон. Конечно, я

могу дать показания и по своей воле. В общем, «будем решать по ходу дела» – так выразилась мой адвокат.

Честно говоря, мне кажется, она уже поняла, что никакого суда не будет. У него наверняка новые документы, новый дом, новая жизнь – все куплено.

Адвокат утверждает, что в наши дни люди все более изобретательно обманывают друг друга.

В том числе мужья и жены.

Кстати...

Говорят, есть шанс, что он меня услышит, и это подтолкнет его выйти на связь. Ну так вот что я вам скажу – нет, *ему* скажу, и мне наплевать, как это расценит полиция: «Даже не вздумай возвращаться, Брам. Клянусь, я убью тебя!»

#жертвафия

@rachelb72 А где муж-то? Сбежал, что ли?

@patharrisonuk @rachelb72 Слинял вместе с бабками. Интересно, сколько стоил дом?

@Tilly-McGovern @rachelb72 @patharrisonuk Так это был ее МУЖ?!

Bay! Куда катится мир...

Брам Лоусон – выдержки из файла Word, отправленного по электронной почте из Лиона, Франция, в марте 2017-го

Во избежание всяких сомнений заявляю сразу: это прощальная записка. К тому времени, как вы ее прочтете, меня уже не будет в живых. Пожалуйста, сообщите новость как можно деликатнее. Хотя я и чудовище, но все-таки отец; у меня двое детей, которым будет меня не хватать. Пусть их воспоминания обо мне будут добрыми.

А может, и у их матери, женщины одной на миллион, жизнь которой из-за меня превратилась в кошмар.

И которую я, между прочим, до сих пор люблю.

Глава 3

«Рассказ Фии» > 00:03:10

Хотя ситуация сложилась катастрофическая, в каком-то смысле даже логично, что все закончилось именно так. Дом всегда был центром нашей вселенной. Наш брак, наша семья, наша жизнь – все это имело смысл лишь дома. Заберите нас оттуда – даже на выходные, которые мы себе позволяли, пока дети были маленькими, а мы хронически не высыпались – и узы тут же слабеют. Дом укрывал и защищал нас, но при этом устанавливал границы, помогая держаться вместе.

Опять же, будем откровенны – это Лондон. За последние годы дом поднялся в цене куда больше, чем зарабатывали мы с Брамом. Он был нашим кормильцем, нашим покровителем. Друзья и соседи чувствовали то же самое: словно у нас забрали внутреннюю силу и вложили в цемент и кирпичи. Отложенные деньги шли не в пенсионный фонд или на частное образование, не в бракоспасительные уик-энды в Париже, а в дом. Окупится, говорили мы друг другу. Тут большого ума не надо, чтобы это понимать.

Кстати, совсем забыла! В тот день – в тот кошмарный день, – когда я пришла домой и обнаружила там Воэнов, Мерль задала им вопрос, который мне и в голову не приходил: сколько вы заплатили?

И хотя мой брак, моя семья, моя жизнь были уничтожены словно ядерным взрывом, я все же притихла посреди рыданий, чтобы услышать ответ:

– Два миллиона, – сообщила Люси Воэн прерывистым шепотом.

Он стоил большего, подумала я.

Мы стоили большего.

* * *

Мы купили его за четверть этой суммы, чего, однако, было достаточно, чтобы не спать по ночам. Как только я впервые увидела дом номер девяносто один на Тринити-авеню, то поняла – хочу страдать бессонницей именно здесь и нигде больше. Буржуазная респектабельность фасада из красного кирпича, белый орнамент окон, увитый глицинией кованый балкон над дверью... Одновременно впечатляющий и доступный, солидный и романтический. Не говоря уже о соседях, имевших схожие чувства. Мы долго искали и наконец нашли это чудесное место; пожертвовали близостью к метро ради спокойной атмосферы пригорода, ради воздуха, сладкого, как рахат-лукум.

Внутри – другое дело. Как вспомню, сколько пришлось переделать, сколько энергии высосал из нас дом (а денег!), то даже не верится, что мы вообще его купили. Переделали кухню, перекрасили ванне, перепланировали сад (спереди и сзади), перестроили гардероб в прихожей, перестелили пол... Когда «пере-» иссякли, на нас полились «новые»: новые балконные двери из кухни в сад, новые окна, новые кухонные шкафчики и рабочая поверхность, новые встроенные шкафы в спальнях мальчиков, новая матовая перегородка в обеденной зоне, новая ограда и калитка, новый домик для игр и горка на заднем дворе... Так он и длился без конца, этот вечный ремонт, а мы с Брамом (по большей части я) выступали в роли директоров благотворительной организации: распланировать годовой бюджет, убить все свободное время на поиск выгодных цен, вызвать мастеров и проследить за выполнением работ, найти арматуру и фурнитуру, а к ним – инструменты, курировать цвета и материалы. Знаете, что самое

печальное? Ни разу я не сказала себе: «Ну все, готово!» Образ идеального дома ускользал от меня, как негодяй в старинном романе.

Конечно, если б можно было повернуть время вспять, я бы, наверное, и не прикоснулась к дому, а сосредоточилась бы на людях. Я бы их *перепрограммировала*, пока они не разрушили сами себя.

#жертвафия

@ash_buckley Ничего себе, как дешево стоили дома!

@loumacintyre78 @ash_buckley Дешево? 500 000? Только не для Престопа. Знаете, за Лондоном тоже есть жизнь!

@richieschambers «Курировать цвета»? Она это серьезно?

* * *

Прежние владельцы – пожилая пара, какой я представляла себе нас в старости. Сравнительно успешные в своей преподавательской карьере, они купили дом еще в те времена, когда не требовалось работать в корпоративной структуре (или в банковской, как Воэны), чтобы позволить себе приличное жилье. Детей давно вырастили, и теперь хотят глотнуть свободы – собираются путешествовать. Я представляла их такими современными кочевниками, пересекающими пустыню при свете звезд.

– Тяжело, наверное, прощаться с таким домом, – заметила я, когда мы с Брамом возвращались от них: заезжали измерить окна для занавесок и остались на бутылочку-другую вина. Брам наверняка превысил скорость, да еще сел за руль нетрезвый, однако меня это не беспокоило: у нас тогда не было детей, мы рисковали только собственными жизнями. – У них был какой-то грустный вид.

– Грустный? Да они плакали всю дорогу до банка, – ответил Брам.

Брам, выдержки из файла Word

Как же я дошел до такой жизни? До точки невозврата? Поверьте, для всех было бы лучше, если бы это случилось гораздо раньше. Даже короткая версия растянется на целый том (ну ладно, признаю – это не совсем «записка»; скорее чистосердечное признание).

Прежде чем я начну, позвольте спросить: а может, дело в доме? Его проклинали, и теперь он топит всех, кто был на борту?

Понимаете, та пара, у которой мы купили дом, – они ведь тоже разводились. Мне проболтался риелтор, когда мы на обратном пути заскочили в «Двух пивоваров». («Не хотите заглянуть в местный паб?» – предложил он. Меня не пришлось долго уговаривать).

– Конечно, такое потенциальным покупателям не разбалтывают. Кому охота знать, что они въезжают в дом, где распался брак?

– Хм-м-м...

Я взял кружку и поднес ко рту – жест, который я повторял с тех пор тысячи раз. Светлый эль оказался вполне приличным, да и атмосфера мне понравилась: такая, знаете, в лучших традициях; заведение еще не скатилось до гастро-паба, как большинство пивных в округе.

– Вы даже не представляете, как часто разводятся пары, у которых дети выросли, – продолжал риелтор. – Отправили младшенького в университет, появилось свободное время, огляделись – тут-то и выяснилось, что вас давно тошнит друг от друга.

– Правда? – удивился я. – А я думал – только поколение наших родителей терпит друг друга ради детей.

– Не тот случай. Тут надо понимать специфику района и его жителей... Такое встречается гораздо чаще, чем кажется.

– Ну, подумаешь, развод! Могло быть и хуже: например, в канаве нашли расчлененное тело...

– Такого я бы вам точно не разболтал, – ухмыльнулся риелтор.

Я не стал ничего рассказывать Фие. У нее было свое романтическое представление об этой паре: дескать, сейчас возьмут накопленные пенсии и поедут на верблюдах через пустыню, как Лоуренс Аравийский. Или полетят на воздушном шаре над Везувием, и все в таком роде. Как будто им не хватило сорока лет учительских отпусков, чтобы объехать весь мир!

К тому времени мы пересмотрели кучу домов, и мне совсем не хотелось, чтобы она передумала насчет первого подходящего из-за «грустного вида» хозяев. Как будто это инфекция такая, вроде туберкулеза или ветрянки.

«Рассказ Фии» > 00:07:40

Понимала ли я, что дом растет в цене? Разумеется! Мы не вылезали с сайтов недвижимости. Только я вовсе не собиралась его продавать. Наоборот, я надеялась сохранить дом для семьи Лоусон, подобрать какую-нибудь выгодную налоговую схему, чтобы мои внуки спали на тех же подушках возле тех же окон, что и мои сыновья.

– И как ты себе это представляешь? – спросила Мерль (моя подруга, живет через пару домов от моего – бывшего то есть, никак не привыкну). – По-твоему, их жены захотят жить в одном доме?

В будущем, разумеется, все решения принимают женщины. На Тринити-авеню всегда царил матриархат.

– Ну, я пока еще не продумала детали. Пусть у меня будет маленький воздушный замок... Что тебе, жалко?

– Боюсь, таким он и останется... – Мерль улыбнулась своей улыбкой «для избранных». Из всех женщин нашего круга она меньше остальных заботилась о внешности – маленькая, подвижная, темноглазая, временами растрепанная – и, конечно же, выглядела лучше всех. – Ты прекрасно знаешь: рано или поздно придется все распродать, чтобы оплатить место в доме престарелых и лечение деменции.

Половина женщин нашей улицы считают, что у них деменция. На самом деле они просто вымотались; максимум, страдают от тревожного расстройства. Наверное, поэтому нас с Мерль, Элисон и Кирсти тянет друг к другу: мы не подвержены неврозу. Мы сохраняем спокойствие и продолжаем жить дальше).

Вот я слушаю себя сейчас... «Не подвержены неврозу» – да, конечно! А развал семьи? Предательство? Мошенничество? Кем я себя возомнила?

Вы, наверное, уже и так поняли. Я знаю, меня все осуждают. Поверьте, я и сама себя осуждаю, но раз уж решилась на это, буду честной до конца.

#жертвафия

@PeteYIngram Имхо, нельзя сравнивать потерю шикарного дома с настоящими преступлениями.

@IsabelRickey101 @PeteYIngram Чего?! Она стала бездомной!

@PeteYIngram @IsabelRickey101 Так ведь не на улице живет. К тому же у нее есть работа.

* * *

Чем я зарабатываю на жизнь? Четыре дня в неделю работаю бухгалтером в компании по производству товаров для дома. В последнее время мы выпустили новую линию экологически чистых ковров, а также несколько предметов интерьера от итальянских стеклодувов.

Замечательная компания с целостным духом и прогрессивным мышлением: они предложили мне работать неполное время, чтобы я успевала заниматься детьми, представляете? И это розничная торговля! Они подхватили инициативу Евросоюза по поддержке работающих матерей, а я оказалась в нужном месте в нужное время. Сами понимаете, в таких случаях надо хвататься за шанс обеими руками.

Да, я могла бы зарабатывать больше в какой-нибудь крупной бездушной корпорации, но я всегда предпочитала зарплате разумный баланс работы и личной жизни. Некоторые не хотят жертвовать всем ради работы, правда же? Я знаю, это клише, и все же люблю иметь дело с товарами ручной работы, наполняющими дом уютом – даже если у меня больше нет дома.

Брам, выдержки из файла Word

Последние десять лет я работал региональным менеджером по продажам в компании, производящей ортопедические товары. Приходилось много разъезжать, особенно поначалу. Я продавал разные фиксаторы – коленные, локтевые, и не только, – подушки для шеи, бандажи. Да какая, собственно, разница? С таким же успехом это могли быть шины, скрепки, собачий корм, солнечные панели.

Бессмысленно тогда, бессмысленно и сейчас.

Глава 4

«Рассказ Фии» > 00:10:42

Да, мы с Брамом расстались прошлым летом. Сказать, почему? Не вопрос! Сейчас все расскажу: почему, когда – с точностью до минуты. Четырнадцатого июля в восемь тридцать вечера я застукала Брама с другой женщиной: они трахались в игровом домике в конце сада.

Нашли место! Милый, уединенный уголок, залитый солнцем оазис – гортензии, фуксии, розы; неровный прямоугольник лужайки, полосатые футбольные ворота – свидетель многих пенальти... Детский домик...

Почти так же непростительно, как и сам акт.

По плану я должна была задержаться на работе (намечалось мероприятие), а Брам сидел с детьми, однако мероприятие отменилось, но я не стала звонить: решила сделать сюрприз. Ну, вы знаете эту фишку: заявляешься как раз к вечерней сказке, и детские личики сияют от радости. «Мамочка пришла!» Получить свою долю признательности за то, что обычно воспринимается как должное. Ну ладно, ладно – еще я хотела проверить, придерживается ли Брам заведенного распорядка, и то лишь потому, что надеялась в этом убедиться.

Конечно, он скажет, что на самом деле я хотела его поймать. Теперь уже и я задумалась: а нет ли в этом предположении хоть капли правды? Может, он грешил потому, что от него этого ждали? Может, я сама накликала беду?

(Порой жертв тянет винить самих себя – думаю, вы в курсе).

Ну, не суть...

В общем, когда я вошла, в доме было тихо – дети уже легли спать (в который раз случился сбой в расписании электричек, и я все-таки пропустила вечернюю сказку). Я решила, что Брам наверху – задремал, читая детям на ночь (в нашем районе такое не редкость: отец семейства, убаюканный собственным голосом и параллельными мыслями о работе). Я на цыпочках поднялась наверх: мальчики спали – каждый в своей комнате, шторы задернуты, на голубых тумбочках мерцают ночники. Все в порядке, как и должно быть – только отца нигде нет.

– Брам? – прошептала я в темноту.

Переходя из комнаты в комнату, я чувствовала нарастающее раздражение, переходящее в праведный гнев. Нет, вы только подумайте! Свалил! Оставил детей семи и восьми лет без присмотра! Наверняка отправился в супермаркет за какой-нибудь гадостью из кулинарии или решил по-быстрому заскочить в «Два пивовара»... Так, стоп! Будь к нему справедлива: Брам – потрясающий отец, он никогда себе такого не позволял. Наверное, забыл телефон в машине и выскочил за ним. Нам редко удается поставить машину возле дома: все из-за близости к супермаркету; к тому же у многих на нашей улице минимум по два авто, так что иногда приходится парковаться чуть ли не за перекрестком с Уиндэм-Гарденс. Наверное, мы с ним разминулись буквально на несколько секунд. Сейчас войдет, швырнет ключи в чашку на тумбочке у двери и скажет: «А если бы мы сделали парковку перед домом вместо сада, то не было бы столько мороки!»

Однако Брам этого не сказал, потому что не вошел. Значит, если бы мероприятие не отменили, дети остались бы одни, без присмотра взрослых.

Конечно, за него я тоже беспокоилась, хотя и недолго: на кухонном столе обнаружилась открытая бутылка белого вина. Судя по конденсату, ее недавно вытащили из холодильника. Если Брама и украли инопланетяне, то вместе с бокалом «сансера».

Кухонная дверь оказалась незаперта. Я вышла во двор. Погода стояла безветренная, все вокруг переливалось зеленым, розовым, золотым. В саду никого не было, однако повинуюсь какой-то смутной тревоге, я отправилась в дальний конец, к игровому домику. Его поставили несколько месяцев назад: хорошенький, с лесенкой на крышу и горкой, извивающейся вдоль стены (Брам лично собирал). Дверь, обычно распахнутая настежь, оказалась закрыта.

С улицы доносились привычные вечерние звуки: мужья и жены звали друг друга за стол, детям «в последний раз!» велели отправляться спать; кошки, собаки, лисы и птицы нервно реагировали на присутствие друг друга. Я не стала вносить лепту в общий хор и звать Брама, потому что теперь уже точно знала: он в домике.

Перешагнув через основание горки, я подошла к окну. Что я ожидала там увидеть? Наркотики? Экран ноутбука с жуткими картинками? Честно говоря, я подозревала, что Брам втихаря покуривает, и уже готовилась бесшумно отступить. Бывают преступления и похуже; в конце концов, я ему не врач.

Очертания были слишком смутными, зато ясность внес ритм движений, банальный до невозможности: мужчина и женщина занимаются сексом. Женатый мужчина и его любовница трахаются, как обезумевшие кролики, потому что время поджигает. Да, жены целый вечер не будет дома, но ведь дети остались без присмотра! Нельзя допустить, чтобы они проснулись и испугались, а наутро рассказали мамочке, перебивая друг друга в попытке усилить драму: «Представляешь, дома никого не было, ну совсем никого! Мы думали – папу убили!»

В животе противно засосало. Неожиданно нахлынуло ощущение полной власти. Распахнуть дверь, как он того заслуживал, или отползти и затаиться на время? (Для чего? Посмотреть, не повторится ли это снова? И так уже понятно...) Тут я случайно увидела его лицо, искаженное тошнотворной гримасой животного удовольствия, и поняла – выбора нет. Я толкнула дверь, и они дернулись, как напуганные лошади. Бокал с вином, стоящий на полу, дрогнул, но устоял.

– Фия! – ошарашенно выдохнул Брам.

Знаете, где-то год назад я случайно услышала, как Полли, моя сестра, обсуждала меня со своей подругой:

– Вот вроде нормальная, умная женщина, а как дело доходит до Брама, у нее словно шоры опускаются. Она простит ему что угодно...

Мне захотелось ворваться и крикнуть:

– Один раз, Полли! Это было всего один раз!

Ну вот, теперь уже два. И знаете, я испытала такое мощное облегчение, практически удовольствие! Честное слово.

– Брам, – ответила я.

Брам, выдержки из файла Word

Пожалуй, начну с той истории в домике – наверняка Фия тоже с нее начнет, хотя на самом деле это отвлекающий маневр, точно вам говорю. Официально принято считать, что все закончилось именно тогда – наше «убийство эрцгерцога Фердинанда», так что эпизод получил свое место в истории, признаю.

Фамилия моей партнерши по преступлению не играет никакой роли. Вряд ли ее муж в курсе, так что назову ее Констанс в честь леди Чаттерли (надеюсь, вы позволите мне эту маленькую шутку. И нет, я не люблю классику – фильм смотрел один раз, Фия выбирала).

– Вот, решила заглянуть, – сказала она в тот вечер, стоя на пороге, и вид у нее был явно «предлагающий». Кажется, она изрядно поднабралась. А может, ее пьянило возбуждение быть инициатором – тот еще афродизиак, известный мужчинам испокон веков. – Ты обещал показать мне игровой домик, помнишь?

– Разве? Да там и смотреть-то нечего, – улыбнулся я.

Она помахала айфоном.

– Можно я сфотографирую и покажу своему плотнику?

– Ах, плотнику? – поддразнил я. – Да пожалуйста, только они продаются готовые, в упаковке. Я лишь собрал и пристроил горку.

– Так ведь горка – самое интересное! – воскликнула она. – Может, я попробую скатиться, если задница не застрянет.

Если это не приглашение взглянуть, то что тогда?

На ней было белое хлопковое платье с буфами, с поясом под грудью; ткань такая легкая, что цеплялась за бедра с каждым шагом.

– Как насчет бокала вина? – спросила она, заходя в кухню.

Считается, что в момент возбуждения мужчина опускается до уровня примитивного млекопитающего – проще говоря, мозги отключаются. Так вот, это неправда. Скорее идет постепенное ослабление. Сперва взгляд фиксирует задирающееся платье («Даже не думай! Ни за что!»). Потом я открываю бутылку вина («А, все равно бы сломался рано или поздно») и вот уже веду ее по садовой дорожке («Ну хотя бы не здесь – дети же рядом!») И наконец: «Ну ладно, один разок – и больше никогда!»

К тому времени мы уже вошли внутрь, дверь закрылась, и она прижалась ко мне разгоряченным телом; волосы ее были влажными, щеки разругались... Понимаете, все дело в этом жаре. Не в мягкости, не в упругости, не в запахе пота, «Шанели» или вина... Тебя тянет к горячей коже, под которой пульсирует кровь, и твое тело отвечает, словно притянутое магнитом.

И ты чувствуешь, что оно того стоит.

Стоит всего, что ты имеешь, всего, что любишь...

Ну ладно, пожалуй, и вправду мозги отключаются.

«Рассказ Фии» > 00:17:36

Нет, я не скажу, как ее зовут – надо же щадить чувства других, правда? Публичное полоскание грязного белья редко приносит вред одному человеку, ведь у людей есть семьи, любимые – они тоже попадают под перекрестный огонь. Да и потом, какая, собственно, разница? Даже если бы она была в маске, я бы чувствовала то же самое, вот в чем беда.

Ей я не сказала ни слова – просто развернулась и ушла, пока они неловко поднимались на ноги.

В гостиной я включила телевизор, чтобы не слушать прощальный виноватый шепот, однако тут же выключила, едва захлопнулась входная дверь.

Брам начал говорить еще за дверью:

– Фия, я не...

Я обернулась, готовая к разговору.

– Не трать время зря: я знаю все, что ты хочешь сказать, и мне это не интересно. Все кончено. Уходи, пожалуйста.

– Что?..

Брам застыл в дверном проеме, придумывая, как бы отшутиться. Волосы взъерошенные, влажные на висках, лицо все еще разгоряченное, во взгляде бравада пополам со страхом. Есть некая незащитность в людях, которых прервали во время секса.

– Я хочу развестись. Наш брак окончен.

По его лицу было видно, что он растерялся: мой холодный уверенный тон действовал на нервы куда сильнее, чем ожидаемая истерика.

– Ты думала, что я бросил мальчиков, да?

Я знаю Брама как облупленного. Это у него прием такой: вместо оправданий попытаться «сбить прицел» в сторону, тем самым умаляя основную вину.

– Ты правда думала, что я уйду и брошу их одних?

Банально, даже по его стандартам: дескать, я несправедливо подозреваю отца в небрежном отношении к детям.

– Ты действительно вышел из дома, – заметила я.

– Так я же был рядом!

– Да, разумеется. И правда, совсем никакой разницы: пошел мусор выносить или, скажем, цветочки полить...

Он поднял брови, давая понять, что сарказм здесь неуместен, как будто у него имелось на это моральное право, а пальцы рассеянно потянулись к губам, как и всякий раз, когда он нервничал.

– Поезжай к маме, – холодно велела я. – Завтра договоримся о том, когда ты будешь навещать мальчиков на каникулах.

– Навещать? – опешил Брам.

Видимо, рассчитывал, что изгнание – временная мера, вроде отсидки на скамье штрафников.

– Если хочешь, я возьму детей и уеду к маме с папой, но согласишься, для них будет лучше остаться здесь.

– Да... Да, конечно...

Сообразив, что сопротивление бесполезно и сейчас разумнее подыграть, Брам поспешил наверх за вещами. На какое-то время воцарилась тишина: должно быть, заглянул к мальчикам. При мысли об этом зануло в груди.

– Фия?

Брам снова возник в дверном проеме с сумкой в руках. Я не обернулась.

– Извини, мне не интересно.

– Ну пожалуйста, выслушай меня!

Я вздохнула и встретила с ним взглядом. Ну что он может сказать? Гипнотическое заклинание, стирающее мою память?

– Может, я плохой муж, но не отец. Я сделаю все, чтобы детям было хорошо, чтобы я мог их видеть...

Я кивнула. Надо признаться, его слова не оставили меня равнодушной.

И он ушел с видом человека, который наконец заметил, что земля уходит из-под ног.

#жертвафия

@Emmashannock72 Если бы мой муж такое сотворил, я бы его кастрировала, на...!

@crime_addict Засудить его надо было, без штанов оставить!

Глава 5

«Рассказ Фии» > 00:21:25

Да, вы не ослышались: Брам изменил мне дважды.

Нет, мы вовсе не были несчастны в браке – поверьте, это не так. Клянусь, многие годы все шло хорошо. В самом начале мы буквально не разлучались; без этого вот, знаете, «присмотреться, обдумать все как следует»... Конечно, нас тянуло друг к другу не только физически: каждый из нас искренне восхищался иной формой жизни. Я была уверенной в себе тихоней, а Брам, наоборот, – шумный для всего мира, а внутри какой-то... потерянный, я бы даже сказала – пустой. Наверное, мне хотелось наполнить его смыслом. Когда мы поженились, я не сомневалась, что совершила невозможное: создала семью с убежденным холостяком (понятное дело, встреча со мной изменила его убеждения).

Ну да, потом я ослабила внимание: сперва пришлось вкладываться в дом, затем дети пошли – но ведь все так живут! Посмотреть на соседей – всякое бывает, постепенно привыкаешь относиться к этому философски.

В общем, несколько лет назад на корпоративном мероприятии Брам переспал с коллегой. Ночевка в отеле, бесплатный бар, настроение в духе «один раз живем» – стандартный набор. Я видела эсэмэски от нее, так что даже Брам не мог отрицать, хотя обычно он умеет выкручиваться на ходу.

Я тогда сидела дома с мальчиками. Им было четыре и пять – можете себе представить (пусть даже без рабочей нагрузки и прочих факторов)! Конечно, это было мерзкое предательство – и все же мерзкое в привычном, «классическом» понимании. Как ни крути, есть некоторое утешение в том, что и другие через это прошли и чувствовали ту же боль.

– Только никому не рассказывай! – учила меня Элисон, когда я призналась ей и Мерль, что решила простить Брама (не совсем верное слово, но пусть будет, простоты ради). – Это изменит отношение людей к тебе, а не к нему.

Не самый плохой совет: когда я поделилась своей бедой с Полли, то сразу поняла, что совершила ошибку. Брам ей с самого начала не нравился, и теперь у нее появилось доказательство в пользу своей интуиции, причем непростительное (то, что я все-таки простила). И в точности как предсказывала Элисон, Полли тут же обвинила меня:

– А чего ты хотела? Нельзя жить с таким... ну, ты понимаешь, и ожидать, что на него никто не будет обращать внимания.

– С каким – таким?

– Сексуальным, Фия. И неугомным. У него же шило в одном месте!

– И что – так его воспринимают со стороны?

– Ну конечно! Явный типаж «плохого мальчишки»! Как бы он ни старался, полностью никогда не исправится.

– Шаблонная чушь! – парировала я.

Как, впрочем, и последовавший разговор с Брамом.

– Я не знаю, смогу ли когда-нибудь тебе доверять...

– Дай мне шанс! Это больше не повторится, клянусь!

Поверить, дать шанс... В тысячу раз приятнее, чем единственная альтернатива (а у нас двое маленьких детей!). Больше он действительно не изменял – до того самого вечера прошлым летом.

Изменяла ли я ему? Очень смешно! Конечно, нет! Еще раз повторяю – двое маленьких детей! Даже если б я захотела – чего никогда не было, – откуда время-то взять? И нет, Полли не замужем.

Брам, выдержки из файла Word

Если вам еще не рассказали, то скоро узнаете: да, я совершал подобную ошибку ранее (опять же, никаких имен; встретились на корпоративной вечеринке, она вскоре уволилась). Не стану об этом распространяться: как я уже говорил, дело не в сексе. Любовь и верность – не одно и то же, что бы там женщины ни заявляли.

Почему я изменял любимой жене? Я могу сказать лишь одно: это не зависимость, не жажда – скорее память о голоде после сытых лет. Вера в то, что в одиночестве ощущения ярче, наслаждение интенсивнее, да и сам я был лучше. Этакая ностальгия эгоиста.

Не стану продолжать. Вы уже наверняка закатили глаза, показали коллеге последний отрывок и понимающе кивнули: «Ну, с ним все ясно!»

«Рассказ Фии» > 00:24:41

Кстати, не думайте, будто я не в курсе: после того случая на работе Полли окрестила его «Брам-бам-бам».

Весьма остроумно, надо признать.

Как она зовет его после случая в домике? Не скажу – слишком неприлично.

Брам, выдержки из файла Word

Когда мальчики были маленькие, и Фия «выходила на тропу войны», мы в шутку называли ее «Вождь краснокожих». Любя, конечно, хотя со временем я начал замечать, что скальп ей хочется снять чаще всего с меня.

Глава 6

13 января 2017 г. Лондон, 13:00

Абонент недоступен.

– Ну как? – интересуется Люси Воэн.

Надо избавиться от этой женщины с ее фальшивыми письмами и нелепыми фантазиями о покупке дома. Вызвать полицию? Или сперва найти Брама и вместе отразить наглое вторжение? И теперь, когда Воэны заставили весь дом своей мебелью, дает ли им это права скваттеров? Считаются ли они формально жильцами?

На все эти вопросы ответа нет. Они столь же нереальны, как и образы, мелькающие перед глазами. Все это галлюцинация, бред больного сознания, не стоит ему верить.

Она снова набирает номер. И еще раз. И еще.

Абонент недоступен.

Даже голосовое сообщение не оставить.

– Да где же он?..

Люси с телефоном в руке внимательно наблюдает за ней.

– У вас, кажется, двое детей? Может, он с ними?

– Нет, они в школе.

Откуда она знает о детях, если сама Фия еще полчаса назад не подозревала о существовании какой-то Люси?

Мама! Надо попросить ее забрать мальчиков и отвезти к себе. Нельзя, чтобы они пришли сюда и увидели свои разоренные гнездышки...

Но где же вещи? Пусть эта странная женщина думает, что владеет домом (Фия продолжает цепляться за идею розыгрыша); тем не менее вещи определенно, неоспоримо отсутствуют. Кто-то вынес их из дома.

И тут до нее доходит. Даже не мысль, скорее жуткая, нарастающая волна недоброго предчувствия: если за два дня исчезла ее собственность, то...

– О боже... Только не это, пожалуйста!

Трясущимися руками Фия прокручивает список контактов.

– Что? – обеспокоенно спрашивает Люси. – Что случилось? Кому вы звоните?

– В школу. Надо... О, миссис Эмери, это Фиона Лоусон. Мой сын Гарри в третьем классе, а Лео в четвертом.

– Да-да, конечно, как поживаете, миссис... – начинает школьная секретарша, но Фия ее прерывает:

– Найдите их, пожалуйста, – это очень срочно!

– Не понимаю...

– Просто убедитесь, что они на месте! В классе, на площадке, где угодно! Это очень важно!

Миссис Эмери медлит.

– Четвертый класс, кажется, в столовой...

– Пожалуйста! – Фия уже почти кричит, и Люси инстинктивно вздрагивает. – Мне все равно, где, только проверьте, чтобы они там были!

На том конце удивленное молчание.

– Подождите минутку...

Фия напрягает слух, пытаясь разобрать неясный разговор на фоне. Десять мучительных секунд, и миссис Эмери снова берет трубку.

– Сожалею, миссис Лоусон, мне сообщили, что ваших мальчиков здесь нет.

– Что?!

Как бешено колотится сердце... Кажется, ее сейчас стошнит.

– Их сегодня не было в школе.

– А где же они?

– У отца, насколько нам известно. Минутку, я соединю вас с директором...

Фию трясет в ознобе, сердце не попадает в ритм. Она похожа на машину, потерявшую управление.

– Миссис Лоусон? Говорит Сара Боттомли. Уверяю вас, беспокоиться не о чем. – У директора голос бодрый, авторитетный, с легкой ноткой обиды на неуместные выходки Фии. – Ваш муж попросил позволения забрать детей из школы на день, и я разрешила.

– Зачем он их забрал? – кричит Фия. – Зачем вы разрешили?

– Учеников забирают из школы по разным причинам. В данном случае вас обоих сегодня нет в Лондоне, и некому за ними прийти.

Нас обоих? Но ведь Брам должен быть дома, через две улицы от школы!

– Нет-нет, это не так. Я была в отъезде, а Брам работал из дома.

Из дома, в который продолжают вносить чужие вещи.

– Может, вы перепутали даты? – предполагает миссис Боттомли. – Я разговаривала с вашим мужем, и у меня создалось впечатление, что вы знали...

– Ничего я не знала! Ничего!

Голос срывается на жалкий вой. Люси отбирает у нее трубку, и только сейчас Фия понимает, что теряет контроль над собой.

– Алло? Я – подруга миссис Лоусон. Да, конечно, мы попробуем найти отца мальчиков. Я уверена, это просто недоразумение, и дети в целости и сохранности. Миссис Лоусон сейчас в шоковом состоянии... Да, обязательно позвоним, как только все выяснится.

Фия тянется за телефоном, но Люси отводит руку.

– Может, лучше я позвоню вашему мужу? – мягко предлагает она.

– Нет! Это вас не касается! – рявкает Фия. – Вас тут вообще не должно быть! Отдайте телефон и убирайтесь из моего дома!

– Вам надо присесть и сделать глубокий вдох. – Люси пододвигает ей стул с видом терпеливой медсестры. – Я приготовлю чай.

– Не хочу я никакого чая!

Фия снова пытается дозвониться до Брама – абонент недоступен – и наконец обессиленно кладет телефон. Происходит что-то ужасное, она сердцем чувствует... Неразбериха с домом, наглая мошенница Люси – все это лишь начало. Что-то случилось с Брамом и мальчиками... Что-то ужасное...

Кошмар наяву становится таким чудовищным, что даже не поддается описанию.

Женева, 14:00

Как же надоел этот номер! И отель! И город – из того, что он мельком видел и слышал. С востока мерзко загудел самолет – даже уши заложило. Сейчас посыплется битое стекло. А вдруг ему станет легче? Может, ощущение непоправимого ужаса хоть немного уменьшится, если земля содрогнется в буквальном смысле – например, рухнет самолет.

Уже не первый раз сегодня ему приходит в голову подобное. Когда самолет шел на посадку, он вдруг почувствовал совершенное безразличие: пусть заклинит шасси, пусть железное брюхо разорвется об асфальт и вывалит его из раны. Он вовсе не против умереть вот так.

Более того, он всей душой надеялся... Отвратительно, учитывая готовность прихватить с собой две сотни пассажиров.

Разумеется, посадка была мягкой, и лишь его тело сжалось в агонии, он единственный молил богов дать судьбе обратный ход – но такого не бывает.

Мог бы и сам догадаться, что побег – та же тюрьма, только название другое.

Глава 7

«Рассказ Фии» > 00:24:56

Это был странный период – целый месяц подвешенности в воздухе. Точнее, пять недель: конец июля и весь август. Если бы мне сейчас дали шанс, я бы переживала его снова и снова, тот мягкий переход, постепенное разрушение семьи, а тогда время тянулось бесконечно.

Нет, я не имею в виду практическую сторону вопроса. Хотя я работала в центре Лондона, до дома сорок пять минут (а когда и в два раза дольше), да и школьные каникулы добавляли сложностей, все было организовано как надо. Мама помогала, да и с соседями договаривались – по очереди сидели с детьми.

Я имею в виду – эмоционально. Для меня важно расстаться спокойно, поберечь психику и сохранить здравый смысл.

Брам жил у своей матери в Пендже, ожидая моего следующего хода. Перед детьми я старалась маскировать его отсутствие под разными предлогами.

– Уехал по делам, – говорила я. – Вернется в субботу.

Субботний визит растягивался до укладывания спать, и мальчики не знали, что папа уходит на ночь. Утром я говорила, что он рано встал и уехал на работу. Впрочем, дети были слишком заняты, кидаясь друг в друга хлопьями, и не особенно интересовались тонкостями; и тем не менее в долгосрочной перспективе такой вариант не годился.

Мы отменили семейный отдых в Португалии и остались дома. Казалось, этим летом на Элдер-Райз (наш район) десантировался весь город. Отчасти благодаря объявлениям в разделе недвижимости газеты «Стандарт» парочки толпились в приемных у риелторов, выясняя, какой урон семейному бюджету нанесет дом с одной спальней, с террасой или с четырьмя спальнями, вроде тех, что на Тринити-авеню. Предложения появляются редко, говорили агенты, хотя ходят слухи, что у Ризов из 97-го дома проводили оценку.

Было практически невозможно припарковаться в верхней части Тринити-авеню; иногда я забывала, где оставила машину.

– Это цена, которую мы платим за то, что наши дома так дорого стоят, – говорила Элисон, – и жаловаться не подобает.

(«Не подобает» – характерное словечко Элисон).

Когда распространилась новость о том, что Брам съехал, она пожаловала первой с охапкой розовых гортензий из тех, что так прекрасно засыхают. Цветы были ужасно дорогие, в нашем районе их можно достать только у лучших флористов на главной улице.

– Ох, Фия... – вздохнула Элисон, обнимая меня. – Хочешь поговорить об этом?

– Тут не о чем разговаривать, – ответила я.

Ее глаза цвета морской волны порой слезились от смеха, приходилось постоянно промокать смазанную тушь, а вот печальный блеск я видела редко.

– Ты только скажи: нам не придется выбирать между вами?

– Нет, конечно.

– Значит, никакого изошренного плана мести? Или хотя бы самого простенького?

– Необязательно каждая история должна заканчиваться местью.

– Да, но большинство заканчивается именно так.

Ладно, признаю: иногда я представляла, как Брам встречает себе ровню, которая растопчет его сердце самым жестоким образом (но так, чтобы не пострадало благополучие детей). Нарочно мстить – нет, такое мне в голову не приходило. Уж кто-кто, а я знала, что Брам –

сам себе худший враг, с его-то склонностью к саморазрушению. Если подождать, он сам себя накажет.

– Помню, смотрела старое интервью с Джорджем Харрисоном – уже после того, как его жена ушла к Эрику Клэптону. Казалось бы, должен плевать ядом, а он сидел такой спокойный, философствовал. Сказал, что пусть лучше она будет с его другом, чем с кем попало.

Элисон задумалась.

– Да он, наверное, был под кайфом!

Я слегка фыркнула – в те невеселые времена это сходило за смех.

– Я хочу сказать, что я его отпустила. Мы отпустили друг друга. Теперь главное – вырастить мальчиков и обрести гармонию, как в той старой песне Пола Маккартни.

– Ты имеешь в виду «Эбеновое дерево и слоновая кость»? – Глаза Элисон расширились. Наверное, испугалась, что меня поменяли телами со степфордской женой² с нездоровым пристрастием к «Битлз». – Вряд ли в истории разводов было много подобных прецедентов... Хотя, если кто-то и сможет, то разве что ты.

Как и мои родители, Элисон просто обожала Брама: наверное, инстинктивно чувствовала его доброе сердце, несмотря на пьянство, ложь и в целом невыносимую жизнь с ним.

– Ты остаешься здесь? – спросила она.

– Разумеется.

– Отлично. Это самое главное.

Элисон принесла три гортензии – по одной на каждого оставшегося Лоусона, хотя вряд ли она об этом думала, когда покупала. Нет, она купила их потому, что дизайнеры интерьеров всегда советуют расставлять предметы по три – правило асимметрии. То самое, из-за которого Мерль постоянно думает о третьем ребенке: ее текущий дуэт не вписывается в фэн-шуй. («Всегда есть риск третьего», – сказал как-то ее муж таким тоном, словно речь шла о третьей мировой, и его границы нужно защищать ядерными ракетами).

– Кстати, чтобы ты знала, – обронила Элисон, уходя, – я бы выбрала тебя.

* * *

По-вашему, я слишком много шучу? Разве я не злилась на этого ублюдка? Конечно, злилась! Я презирала его так, как презирают только тех, кого любят, однако не могла позволить себе сдаться, ослабеть. Требовалась немалая сила, чтобы удерживать крышку над кипящим котлом гнева, и я гордилась своей стойкостью.

Поверьте на слово, измена – ничто по сравнению с домом. Вот это куда хуже, это – настоящее горе!

Брам, выдержки из файла Word

Я мало что помню из промежуточного периода. Кажется, было больно, хотя тогда я и понятия не имел, насколько черной и страшной может стать боль.

Кроме того, я жил у матери, что добавляло стресса. Помню ее вечные попытки давать советы, отсылки к христианским верованиям, устаревшие еще в моем детстве, а уж в Южном Лондоне двадцать первого века и вовсе неуместные (если не сказать бредовые). В общем, мне явно недоставало мудрости моего тезки из Ветхого завета, и я наотрез отказался обсуждать эту тему с ней или с кем бы то ни было.

² «Степфордские жены» – фантастический триллер Айры Левина (1972 г.); также одноименные экранизации.

Помню еще, почему-то детей совершенно не заботило мое отсутствие, даже обидно. Они спокойно принимали подарки по выходным, словно брак их родителей не потерпел крах; как будто можно набить рот чипсами и таким образом уберечь себя от любого вселенского зла.

Что касается Фии, то при виде меня она, похоже, не испытывала ни тревоги, ни злости (как я того заслуживал). Мы даже сходили однажды в парк вчетвером – дело было в августе, стояла страшная жара.

– Фисташки или соленая карамель? – спросила меня Фия у прилавка с мороженым, словно взялась любезно опекать иностранного студента по обмену.

– Выбирай сама, – предложил я, и Фия едва заметно подняла бровь: дескать, ты-то уже выбрал один раз – и выбрал неправильно.

Странное дело: ингредиенты те же самые – светлые волосы, подстриженные в ровное каре, щенячьи карие глаза с прямыми ресницами, соблазнительные изгибы, притягивающие мужские взгляды (хотя сама владелица считает их избыточными). Вроде все на месте, а вкус какой-то другой. Как будто она присыпала свою горечь сахарной пудрой, чтобы скрыть ее от меня.

Мы прогулялись по жухлой траве до детской площадки. Парк буквально кишел народом: туристы, полуголые тинейджеры в модных очках с синими линзами – на девушках смотрятся лучше, чем на парнях (или я просто замечаю одних девушек). Даже на качели собралась очередь.

– Откуда они повылезали? – удивился я.

Всего-то месяц, как съехал, а тут такие перемены!

– Элисон считает, это плата за то, что наши дома поднялись в цене, – ответила Фия таким тоном, словно владеть собственностью в несколько миллионов – тягостная жертва с ее стороны.

А как же я?.. Живу в Пендже с религиозной фанатичкой, сплю на надувном матрасе, упираясь головой в батарею! До этого момента я старался не давить на Фию и ничего не требовать, однако страх за будущее выплеснулся сам собой:

– Кстати говоря, пора определяться, что делать с домом – я не могу вечно жить у матери! Если мы действительно расходимся, надо решать, как будем делить имущество.

Наконец-то в ее глазах появились эмоции: неподдельная тревога.

Я продолжал двигаться на ощупь: хотелось сделать ей больно, и в то же время – чтобы она приняла меня обратно и дала шанс больше никогда не причинять ей боль.

– Ты уже звонила адвокату? А риелтору? Или ждешь, что я позвоню?

– Нет.

Фия забрала у мальчиков недоеденное мороженое и подтолкнула в сторону освободившихся качелей.

– Фия... – начал было я.

Она протестующе выставила перед собой капающий рожок.

– Хватит, не надо.

– Но сколько можно?..

– Дай мне еще неделю, и я подготовлю план дальнейших действий.

«План дальнейших действий» – выражается, как менеджер проекта. Определить конечный результат, назначить исполнителей и обсудить временные рамки.

– Ладно.

– И Брам?

– Да?

– Мы действительно расходимся, я просто не хочу ничего решать впопыхах. Главное – чтобы им было хорошо.

Фия отвернулась и стала пристально, не мигая, смотреть на мальчиков, словно гипнотизировала их взглядом.

Не сразу до меня дошло, что она просто не может меня видеть.

Помню, вернувшись к матери, я подумал: вот так, должно быть, чувствует себя приговоренный, ожидая новостей о помиловании.

Приговоренный? Тогда я еще не понимал, какая это была восхитительная свобода...

«Рассказ Фии» > 00:28:49

Извините, погорячилась. Сами понимаете, время такое, нервное...

Что же было дальше? Брам заговорил о разделе имущества, и это наконец сподвигло меня на действия. Мы гуляли в парке (изображали перед детьми счастливую семью), и когда он спросил, что будем делать с домом, я испытала шок, хотя, казалось бы, все логично. В тот вечер я подошла к окну и какое-то время стояла, глядя на магнолию, вечный источник утешения. В этом году она зацвела рано, и у нас дух захватывало от красоты; прохожие фотографировали на мобильники, а мальчики залезали на нижние ветки и гладили цветы – нежно, как новорожденного хомячка, чтобы ни один лепесток не упал.

Нигде больше я не смогу ощутить эту красоту, эту безмятежность. Все знают, что вопрос недвижимости обостряет бракоразводный процесс и что в Лондоне и пригородах невозможно продать большой дом и купить взамен два маленьких. На работе платили более-менее прилично, и все же без интересных предложений от нефтяного концерна мне ни за что не выкупить у Брама свою долю.

Я представляла – точнее, пыталась представить, – как будущей весной драгоценные розовые лепестки раскроются для кого-то другого. Нет, невозможно представить. Это разорвет мне сердце больнее, чем изменяющий супруг.

Табличка «Продается» у ворот? Только через мой труп.

#жертвафия

@SharonBrodie5 °Странная какая-то тетка... И чего люди так трясутся над своими домами?

@Rogermason @SharonBrodie50 Деньги. По крайней мере, она не притворяется.

Глава 8

«Рассказ Фии» > 00:30:10

Да, условия опекунства играют в деле важную роль: благодаря им Брам получил доступ одновременно и к дому, и к бумагам, необходимым для продажи; причем не только к общим документам совладельцев дома, но и к моим личным документам. Нет, мне не приходило в голову хранить их отдельно после расставания. Теперь-то, конечно, всем женщинам посоветую: в первую очередь примотайте к себе паспорт скотчем и так ходите, даже на ночь не снимайте!

Горькая ирония состоит в том, что именно я придумала решение, в теории позволяющее мне сохранить дом. Такая программа опекунства называется «птичье гнездо»; как и все хорошие идеи, она меня сразу зацепила. Сперва я прочла об этом в «Гардиан», а потом на родительских сайтах. Программа изначально зародилась в Штатах, давно миновала экспериментальную стадию и набирает популярность. Схема такая: дети остаются в семейном доме, а два родителя живут с ними по очереди. В свободное время взрослые уходят каждый в свое жилье или в случае скромного бюджета (как у нас) снимают. Некоторые пары умудряются обойтись и вовсе без жилья: ночуют у своих родителей или на диване у друзей.

Браму предложение показалось не то чтобы оливковой ветвью, а целой оливковой рощей, залитой солнцем Италии.

– Почему? – спрашивал он, не смея верить в мою искренность. – За что мне все это?

– Не тебе, а мальчикам. Не хочу, чтобы они потеряли свой дом. Ты предал меня, – добавила я прямо, – но не их.

Разумеется, в интернете далеко не все разделяют такую точку зрения. Многие женщины считают: предал мать своих детей – значит, предал и детей; только я с ними не согласна. Муж, отец – эти роли взаимосвязаны, и все-таки они разные. «Может, я плохой муж, но не отец», – сказал Брам, и это правда. Как я уже говорила, он замечательный отец, даже другие родители это признавали. Дети всегда тянулись к нему: он строил всевозможные берлоги, домики на деревьях, придумывал разные игры; однажды собрал детей со всей улицы, чтобы те помогли ему свалить мертвое дерево, пока их папаши залегали на диване с телефоном, стараясь не высовываться.

– Для детей нет лучшего варианта, – убеждала нас консультант по программе.

Кроме счастливого брака, подумала я.

Консультанта звали Роуэн; она вежливо и дотошно объясняла нам тонкости нового положения дел.

– Программа предлагает именно то, что ожидается от настоящего птичьего гнезда: сила, безопасность, непрерывность для «птенцов». Даже с самыми лучшими намерениями вы не убережете детей от стресса, когда им приходится переезжать из дома в дом, особенно в отдаленных районах. Данная схема полностью исключает этот негативный фактор. Если повезет, дети почти не заметят разницы.

Роуэн подробно объяснила нам все «колесики и винтики» программы или, как она шутила, – «веточки и перышки». Назначается испытательный период, на время которого я получаю будни, а Брам – выходные. Смена караула происходит в пятницу в семь вечера и в воскресенье в полдень – таким образом каждый родитель получает возможность провести выходные с детьми. Кроме того, по средам Брам будет приезжать и укладывать их спать.

– Лучше всего договориться о отдельных спальнях, – посоветовала Роуэн, – так легче обозначить границы.

Я уже подумала об этом; слава богу, размер и планировка дома позволяли. Никаких дополнительных расходов, и мальчиков не надо дергать.

– Да, нам такой вариант вполне подходит. У нас четыре спальни, так что пустим в ход запасную. К тому же внизу есть кабинет.

– Вам очень повезло, – заметила Роуэн. – Некоторые вынуждены делить одну спальню. Не представляете, сколько приходится утрясать разных вопросов, вроде «кто меняет постельное белье».

– Бери себе нашу спальню, – предложил Брам, – раз уж ты будешь больше времени проводить с детьми.

«Нашу спальню». Одно дело – договориться о том, кто где спит, другое – перейти на язык новой жизни.

– Хитрость в том, чтобы рассматривать оба жилья как свои, – объясняла Роуэн. – Основной дом и дополнительный. Никто ни на что не претендует, вы оба – совладельцы и соарендаторы. И в первую очередь – родители. Равные.

Она показала нам рекомендуемое приложение для смартфона.

– Будете вести общий дневник: кто остается дома, кто в квартире, кто уезжает, кто забирает детей из школы. Спортивные секции, дни рождения, походы к друзьям – все можно отмечать разными цветами.

Что касается финансовых договоренностей, тут ничего особенно не изменилось. Мы с Брамом зарабатывали примерно одинаково и вносили равную сумму на общий счет, с которого платили за ипотеку, за коммунальные услуги и за все, что тратили на детей. Теперь эту цифру придется увеличить на сумму арендной платы за съемное жилье – студию или комнату. Поэтому я предложила временно приостановить бракоразводный процесс, чтобы не тратиться на адвокатов.

– Логично, – отозвался Брам, и в его тоне слышался неприкрытый оптимизм.

– Надеюсь, ты понимаешь, что мы расстались окончательно? – уточнила я, стараясь воздерживаться от резкости. – Развод неизбежен, просто не сейчас. С моей стороны назад хода нет.

– Да, конечно.

Роуэн внимательно наблюдала за нами, сдержанная и сосредоточенная.

– В некоторых случаях предпочтительно раздельное проживание. Выбранный вами вариант неизбежно привнесет момент вторжения в частное пространство: очень сложно каждый раз подчищать все следы своего пребывания перед сдачей жилья другому. Вы уверены, что оба этого хотите? Фиона?

Я вдохнула так глубоко, что легкие заполнились до отказа, потом представила лица мальчиков, их лоусоновские кудрявые головки и кивнула.

Брам тоже согласился – с нехарактерной для него искренностью.

– Я готов, – сказал он, и его смущенная улыбка вдруг напомнила мне начало наших отношений.

#жертвафия

@LydiaHilluk Странная идея. «Птичье гнездо» какое-то... Как у хиппи.

@DYeagernews @LydiaHilluk Наоборот, взрослые, цивилизованные отношения. По идее, должно работать.

@LydiaHilluk @DYeagernews Ну и что, сработало?

Брам, выдержки из файла Word

Помните строчку из песни: «Она такое ночью предложила, что и Калигула бы покраснел»? Так вот, от предложения Фии покраснел бы и святой. Нет, серьезно. Чуть ли не каж-

дый день в газетах писали о разведенных отцах, которые вынуждены снимать жилье бог знает где, в каком-нибудь убогом месте – и ни единого шанса взять новую ипотеку, пока старая не выплачена. И вот Фия избавила меня от этого, избавила от ада, в который имела полное право низвергнуть. Вместо того чтобы выгнать на мороз, она меня заново ввела в семью; вместо того чтобы обождать до нитки, оставила наши текущие финансовые договоренности без изменений.

По сути, Фия просто делала то, чем родители вечно хвалятся, однако никогда не выполняют до конца: ставила детей превыше всего.

Мы подписали соглашение – необязывающее, но важное для нее. Разумеется, не обошлось без нравоучений (это же Фия!).

У консультанта был низкий, вкрадчивый голос, чуть ли не с нотками соблазна.

– Есть ли у вас какие-либо пункты, не подлежащие обсуждению? Категорическое «нет»? – спросила она.

– В дом никого не приводить, – тут же отозвалась Фия. – Только в квартиру. И без превышений скорости, когда в машине дети. У него и так полно штрафов. И никакой выпивки при мальчиках!

– Я у тебя какой-то монстр получился! – пошутил я.

Насчет езды, может, и справедливо, а что касается выпивки, у нее просто напитки красивее, вот и вся разница. Фия любит мятно-зеленый «мохито» и рубиново-красный «кир-роаль», покупает джин, какие-то странные настойки на ремене, чернике, рождественских специях. Женщины с Тринити-авеню всегда обожали джин.

И до сих пор, наверное, обожают.

– А вы, Брам? У вас есть какие-то условия?

– Никаких. Я согласен со всем, что захочет Фия.

И я говорил совершенно искренне.

– Редкая она женщина, – сказала мать, когда я поделился новостями.

Мама всегда немножко стеснялась Фии и ее семьи, с их привычками среднего класса: благодарственными записочками, регулярными походами в театр, поездками в Дордонь. Ну, или могла бы стесняться, если бы Фия не была к ней так добра и внимательна. И тем не менее мать всегда считала, что я сделал хороший выбор. Женился «на повышение» – и развожусь также.

– Смотри, не подведи хоть на этот раз, – предостерегала она, и в ее взгляде читалась снисходительность пополам с неодобрением. – Второго шанса может и не быть.

Тогда казалось, Господь надо мной сжалился.

«Рассказ Фии» > 00:36:18

Мы назначили начало новой программы на пятницу, второе сентября, – последние выходные перед началом учебного года. Время поджимало, следовало поскорее найти «другое жилье» (именно так, в кавычках, – мысленно я не считала его своим).

Впрочем, тут нам повезло. Брам никогда не сжигал мосты – по крайней мере там, где речь шла о собутельниках. Он до сих пор пропускал пинту-другую с риелтором, который продал нам дом на Тринити-авеню, – и тот выдал нам координаты квартиры-студии в западной части Элдер-Райз, в десяти минутах ходьбы от нашего дома, через парк. Купленная для сдачи, квартира переходила из рук в руки; судя по всему, съемщики в ней надолго не задерживались – слишком маленькая площадь для постоянного проживания.

Снаружи здание, выстроенное в стиле ардеко на центральной улице, смотрелось стильно: гладкое, белое, со стальными рамами и изогнутыми террасами. Агенты называли его «Бэби-деко» (в нашем районе даже архитектура не избежала семейных метафор).

Брам взял на себя всю организацию: обсудил арендную плату, проверил и подписал контракт, съездил в «ИКЕЮ» за кухонными приборами.

На совместном просмотре я улучила момент и напомнила ему об условиях.

– Здесь можешь делать что угодно, а дома воздержись.

– Понял, – ответил Брам. – Тогда и марихуану буду прямо тут выращивать, ладно?

– Очень смешно! – Я поймала его взгляд. – И я серьезно насчет превышения скорости – хватит уже сюрпризов!

Мне показалось или в его глазах мелькнула хитрая искорка? Сложно сказать, даже на мой опытный взгляд; и все же что-то заставило меня повторить.

– Я серьезно, Брам, – больше никаких тайн!

– Никаких, – кивнул он.

Надо было это записать. Нет, занести отдельным пунктом в соглашение и заставить расписаться. А еще установить в нашем приложении напоминание (ежедневное): никаких тайн.

И да – несмотря на произошедшее, я до сих пор считаю, что идея «птичьего гнезда» – отличный вариант (для тех, кого не угораздило связаться с преступником).

Брам, выдержки из файла Word

Иногда я мучаю себя фантазиями о том, как могла бы сработать идея «птичьего гнезда», если бы только я сохранил в тайне прошлые грехи и избежал будущих. (Если бы!) Я думаю, все бы получилось, серьезно. С позиции разделения времени и усилий программа позволяла играть на наших сильных сторонах: я брал на себя свободу выходных, необходимость выпустить пар (мамочки с Тринити-авеню любили приговаривать, что мальчикам нужно столько же физической активности, сколько лабрадору-ретриверу), а Фия контролировала школьные дела, стирку, питательную и сбалансированную диету... Ну ладно, большую часть рутины.

Нет, я вовсе не утверждаю, что Фия не умеет веселиться. Пожалуй, она единственная, кто способен гасить соревновательную горячку, напоминать детям, что они могут быть командой. Лео с Гарри постоянно спорили, особенно играя в викторину, где нужно угадывать столицы; и когда дело чуть не доходило до драки, Фия отпускала какую-нибудь несмешную шутку. Например: «Кто живет в Непале? Только не пальцы!» И мальчики снисходительно переглядывались: «Ну ма-ам!»

(Наверняка заранее искала шутки в интернете).

Мне больно думать о том, как Фия будет горько сожалеть об этом раскладе – а ведь она сама дала мне карты в руки! Если бы не разработала слаженную схему, если бы не продолжала доверять мне, как человеку семейному, как совладельцу дома...

Даже если она больше не доверяла мне как мужу.

Глава 9

«Рассказ Фии» > 00:38:35

Трудно сказать, когда возникли первые «звоночки», в тот момент я не обратила на них внимания. Вождение являлось проблемой еще до развода, это я точно знаю.

Кажется, в апреле или в мае я нашла штрафы за превышение скорости. Может, я просто фантазирую, но сейчас вспоминается какое-то странное ощущение, возникшее тогда: как будто Брам скрывает от меня больше, чем делится. Наверное, поэтому я упомянула о штрафах на встрече с консультантом.

– Брам, что это? – Я протянула письма, найденные среди страниц руководства к кофеварке, которая внезапно сломалась: два уведомления о начислении трех штрафных баллов. У нас давно возникли разногласия по этому поводу, хотя раньше ему все сходило с рук. Не то чтобы Брам откровенно плевал на правила – скорее ему доставляло особую радость их нарушать. – Шесть баллов? Ты же ходил на курсы – их должны были списать.

– Ну ходил... – настороженно отозвался Брам.

– Так за что же тебе начислили баллы?

– Это другие. Курсы пошли в зачет первого.

Я нахмурилась, пытаюсь осознать ситуацию.

– Значит, всего было три штрафа?

– Ага. Нельзя посещать курсы чаще, чем раз в три года.

Невелика беда, если он и в первый раз ничему не научился.

– А где оригиналы штрафов? В кабинете?

– Зачем тебе?

– Просто интересно посмотреть детали.

Брам преградил мне путь к шкафу.

– Я принесу.

С величайшей неохотой он показал постановления: одно от полиции Суррея, второе – из городской. Суррейский инцидент, очевидно, случился в рабочей командировке: превышение на девять миль, примерно такое же, как полтора года назад, когда Брам «опаздывал, не смотрел на спидометр». Лондонский настораживал больше: сорок три мили в час в зоне с ограничением двадцать миль между Кристал-Палас и Элдер-Райз. Судя по ограничению, это был явно жилой массив по типу Тринити-авеню, а сорок три мили – достаточная скорость, чтобы сбить пешехода. Например, ребенка вроде наших мальчиков.

Тут я обратила внимание на даты: полтора года и девять месяцев назад.

– А почему я только сейчас об этом узнаю?

Глупый вопрос: потому что только сейчас на них наткнулась. Видимо, надеялся, что все убрал с глаз долой.

– Двенадцать баллов – и у тебя отберут лицензию. Значит, еще два штрафа...

– Я сам прекрасно знаю, – раздраженно перебил Брам. – Ладно тебе! Миллионы людей ездят со штрафами – вон, даже наши соседи! Думаешь, с чего вдруг стали ловить столько нарушителей? Да просто денег хотят больше захватить!

– Или спасти людям жизнь. Ты уже уведомил страховую?

– Конечно, уведомил! Не заморачивайся ерундой.

Для него это, видите ли, ерунда!

– А в тот, последний раз дети были с тобой?

– Нет, я ехал один! – Оскорбленный в лучших чувствах, Брам быстро перешел от защиты к нападению. – Что, разочарована, да? Упустила шанс?

– Не переводит разговор на меня!

Уже тогда я понимала, что эта перепалка – прекрасная иллюстрация проблем в нашем браке. Не его промашки как таковые – сами знаете, они бледнеют в сравнении с тем, что последовало, – а скорее роль, которую он мне с готовностью навязывал: коп, училка, зануда, брюзга...

Жертва.

– Пожалуй, лучше я буду водить машину, чтобы у тебя было меньше шансов получить штраф.

О боже, теперь я разговариваю как надзиратель...

– Сделай одолжение! – надулся Брам.

Позже, когда я заглянула в шкаф, я обнаружила, что ящик, помеченный ярлыком «Машина», пуст.

Брам, выдержки из файла Word

Как я уже говорил, измена – ложный след. Гораздо более разрушительными были штрафы за превышение скорости, которые я не хотел ей показывать – сами понимаете, так проще. Это обратная сторона законопослушных граждан вроде Фии: им трудно идти на уступки собственным мужьям.

Я думал, что успешно припрятал весь компромат (она никогда не смотрела ящик с ярлыком «Машина»), поэтому Фия застала меня врасплох: ворвалась, размахивая уведомлениями, и начала выяснять, не было ли в машине детей (чисто для справки – нет, ни разу).

– Ты прекрасно знаешь, что я никогда бы не стал рисковать здоровьем наших ребят, – сказал я ей.

– А здоровьем чужих, значит, можно? – парировала Фия и посмотрела на меня с неприязнью.

Еще тогда я должен был догадаться, что развод неминуем – независимо от моих шалостей в игровом домике.

– По крайней мере, теперь я знаю правду, – добавила она.

Тут Фия ошибалась – она не знала и половины.

Правда была в том, что я успел получить еще два штрафа и повестку в суд. Меня обязали выплатить тысячу фунтов и отобрали права на год, до февраля 2017-го.

Конечно, теперь, когда Фия нашла улики, ей ничто не мешало меня перепроверить – позвонить в страховую и узнать, что там с нашей страховкой, хотя я заранее оформил полис на свое имя и защитил паролем. Опять же, она могла сделать выписку с банковского счета и увидеть, что выплаты по страховке упали, поскольку теперь она являлась единственным водителем нашей «ауди». Единственным официальным водителем.

«Рассказ Фии» > 00:42:52

Я знаю, некоторые слушатели считают, что я его слишком прессовала с этими штрафами. Да, всякое бывает, и у нас в школе у многих родителей по три балла, а у одного папы целых шесть. Даже Мерль как-то остановила полиция за проезд на красный свет (отпустили с предупреждением). В нашем кругу такие вещи считались чем-то вроде почетного значка, ведь жертв не было.

Ладно.

Нет, я не утверждаю, что сама – образец добродетели, однако скорость никогда не превышала, честно. Разве что на милю-другую, не больше. Смотрите, сколько факторов нужно учитывать: пешеходы, велосипедисты, дети в машине; светофоры, перекрестки через каждые две минуты; к тому же у большинства есть круиз-контроль. Что такого срочного может быть, ради чего стоит наплевать на все это? Неужели пять, десять, даже двадцать миль в час играют столь важную роль? Действительно ли риск настолько оправдан, что можно не бояться ужасных последствий?

Хотя вряд ли нарушители об этом задумываются.

С последствиями они предоставляют разбираться другим.

Брам, выдержки из файла Word

Нет, хуже всего не то, что я скрыл лишение прав, а то, что я на это наплевал. Да, признаю официально: я проигнорировал постановление суда и продолжил ездить за рулем.

Если бы этого не случилось, я не оказался бы в таком положении.

Конечно, сперва я сказал себе: всего одна поездка!

Дело было в субботу, через пару недель после судебного постановления. У меня дико болела голова с похмелья, а Фия требовала, чтобы я отвез садовый компост в центр переработки отходов. По закону подлости, именно в тот день перед нашим домом освободилось место, так что я не мог оттащить мешок подальше и закинуть в чей-нибудь контейнер.

Фия даже проводила меня до машины, попутно раздавая инструкции:

– На обратном пути заверни в «Сэйнсбериз» и купи таблетки для посудомоечной машины и молоко. А, чуть не забыла! Лео нужна капа – у него хоккей с понедельника, так что заскочи еще в «Южный полюс», там есть спортивный отдел.

Под ее пристальным взглядом я сел в машину, которую мне было запрещено водить, включил зажигание и поехал. Мной руководила скорее мышечная память, нежели сознание. Я доехал до центра переработки, потом до «Сэйнсбериз», потом до спортивного магазина, и хотя пару раз у меня перехватило дыхание, ничего страшного так и не произошло.

Ну я и продолжил ездить. Спешу добавить – только по необходимости: неотложные домашние хлопоты, рабочие дела, которые невозможно решить с помощью общественного транспорта. Так осторожно я не ездил с семнадцати лет, когда учился водить на соседской «фиесте». Я соблюдал каждый знак ограничения скорости, каждый сигнал светофора; ни сантиметра лишнего за парковочную линию, ни единого писка аварийной сигнализации, ни даже выругаться на велосипедиста.

Однажды в зеркале заднего обзора я увидел патрульную машину и чуть не ослеп от страха. Уже хотел затормозить, припарковаться у какого-нибудь дома и переждать, однако на следующем светофоре они свернули налево, и я порадовался, что сохранил присутствие духа.

Когда нам предложили схему «птичьего гнезда», я сразу понял, что обратной дороги нет.

– Тут без машины никак не обойтись, – рассуждала Фия. – Ты же знаешь, как оно бывает по выходным: то в бассейн, то к друзьям, то в гости к родителям. Пожалуй, ничего у нас не выйдет с этой затеей.

И у меня не осталось выбора – пришлось идти до конца.

Теперь я понимаю: так мыслят преступники. Говорят себе: нас просто загнали в угол, а мы что, мы сопротивляемся, как можем, приспособливаемся, выживаем.

И до того мы убедительны, что сами себе верим.

Глава 10

13 января 2017 г.

Лондон, 13:30

Нападение, убийство, изнасилование, похищение детей – вот настоящие преступления. Кто же это сказал... Кажется, Элисон или Кирсти. Помню, мы еще смеялись.

Люси осторожно касается ее плеча, словно опасается, что Фия вскочит и запустит стулом в окно.

– Возьмите себя в руки. Я понимаю, все это слишком... Тем не менее мы должны сохранять спокойствие. Надо связаться с родственниками, знакомыми. С кем ваш муж мог строить планы? Или попросить кого-то присмотреть за мальчиками? Может, родственника или няню?

Мама. Конечно же, сразу надо было ей позвонить!

Фия снова хватается телефон, находит нужный номер и начинает говорить, не дождавшись ответного «алло»:

– Мам, слава богу! Это я.

– Фия? Ты что, плачешь? Что...

– Брам увез мальчиков, его телефон не отвечает. Они у тебя?

– Брам что?.. Нет, не у меня. – Еще один ровный, благоразумный голос – как у Люси, как у Сары Боттомли. – А разве ты не в отъезде со своим новым?

– Я вернулась раньше. Брам исчез и забрал детей!

– Не говори глупостей, зачем ему это? Тине звонила? Может, она в курсе?

Мать Брама все еще работает полный день, но всегда готова поменяться сменами и помочь, когда ее заранее предупредишь. Если Брам разговаривал со школой несколько дней назад, значит, все спланировал заранее, и тогда он скорее привлечет свою мать, чем ее.

Фия сбрасывает звонок, набирает номер Тины и снова плачет в трубку сразу после гудков:

– Тина? Ты не знаешь, где Брам?

– Фия, это ты? Он сегодня дома. Вы же вроде договорились? А что случилось?

«Что случилось!» И она ничего не знает! Фию охватывает дикий, животный ужас. Так и хочется заорать: от вас никакого толку! Неимоверным усилием воли она сдерживается: иначе Люси опять вмешается и начнет разговаривать за нее.

– Тина, его здесь нет! Я дома, тут никого нет!

– Ты уже вернулась? Почему так рано?

– Неважно! Мне надо срочно найти Брама! Если ты знаешь, куда он мог поехать, скажи сразу! – Понимая, что проигрывает битву, Фия снова начинает всхлипывать, и Люси озабоченно хмурится. – Он забрал мальчиков из школы, я не знаю, где они, а тут еще...

– Фия, подожди! – прерывает ее Тина. – Они здесь. Мальчики здесь.

– Что ты сказала?..

Правильно ли она расслышала сквозь накатывающие волны страха, сквозь топот носильщиков на лестнице?

– Мальчики у меня, смотрят телевизор. Я должна была позвонить тебе вечером, чтобы ты их завтра забрала.

– Ну слава богу! Так они ночуют у тебя? Брам договорился?

– Да, если ты не против.

– Да, конечно, спасибо!

Где-то на заднем фоне Люси расслабленно опускает плечи: значит, это не *та* история, не самая худшая, и можно вернуться к текущей проблеме – к дому. Она встает и берет чайник: наконец-то появилась возможность заняться приготовлением чая.

Фия вытирает глаза бумажным полотенцем. Несмотря на облегчение, дышать по-прежнему трудно.

– Почему они не в школе? С ними все в порядке?

– С ними все отлично. Брам решил, что сегодня им лучше не ходить в школу. Кстати, он наверняка где-то поблизости, и лучше бы тебе уйти поскорее, пока он тебя не увидел.

Что она несет?!

– Тина, послушай! Тут такое творится! В доме совсем пусто, всю мебель вынесли, телефон Брама не отвечает, и какая-то женщина говорит, что... – Фия умолкает. Она не может повторить эту фразу, звучит слишком абсурдно: «...что она купила мой дом».

– Я знаю, знаю! – Похоже, Тина начинает терять терпение. – Он хотел сделать тебе сюрприз.

– Какой сюрприз? Да объясни ты уже наконец, что происходит?

– Ремонт, конечно же! Разве не понятно? Бедный Брам, он так расстроится, что ты приехала до окончания. Вернись лучше на квартиру и попроси рабочих не рассказывать, что ты приходила. Или приезжай ко мне. Сказать мальчикам, что ты вернулась раньше?

– Нет, не надо. – Пора остановить поток вопросов, на которые нет ответа, и попытаться обдумать ситуацию. – Занимайтесь чем планировали, я потом еще позвоню. Поцелуй мальчиков от меня.

Фия вешает трубку.

– Мне сказали, вы тут делаете ремонт, – говорит она Люси. – Теперь понятно, почему мебель вывезли. А куда? Почему вы от меня скрываете?

Поставив чайник, Люси садится рядом. Она двигается плавно, дышит ровно, будто старается не вызывать раздражения.

– Фия, вы же видите – я не занимаюсь ремонтом, я въезжаю. Насколько я понимаю, ваша семья выехала вчера. Похоже, вас не было в городе?

– Да, вернулась пораньше за ноутбуком. – Фия пытается усмехнуться, вместо этого вырывается всхлип. – Бесполезно спрашивать, где он, да?

В ответ Люси улыбается – мягко, ободряюще.

– Самое главное – ваши дети в безопасности. Давайте спокойно подумаем, где искать вашего мужа. Может, на работу позвонить?

Фия смотрит на Люси, незнакомую женщину, руководящую ее мыслями и действиями, и думает: где связь, Брам? Почему ты солгал Тине? А мне? Где ты?

Она снова берет телефон, руки дрожат.

Что ты натворил?..

Женева, 14:30

Все, он больше не может здесь оставаться. Еще немного – и он кинется на запечатанное наглухо окно и станет биться об него до тех пор, пока не осядет на пол. Надо выбраться из номера, зайти в бар, выпить пива... Завтра он поедет дальше – оставаться здесь просто невыносимо. Пойдет на вокзал и выберет на табло отправления первый попавшийся поезд. Можно махнуть во Францию – в Гренобль или Лион.

Так, хорошо, уже есть какой-то план. Все лучше, чем эта удушающая неопределенность.

Он засовывает в карман кошелек и ощущает странную легкость, отсутствие противовеса, который он носил всю жизнь, сколько себя помнит, – ключей от дома.

Глава 11

«Рассказ Фии» > 00:42:57

Да, я почти ничего не рассказываю о мальчиках – не хочется их сюда вмешивать. Знаете, я ведь даже не сообщила им о доме – сочиняю всякие небылицы. Последний раз наврала, будто нас затопило ливнем, однако долго я так не протяну – рано или поздно пойдут слухи. Да и в начальной школе родители сплетничают у ворот, поэтому я туда больше не хожу (детей отвозит мама). И Элдер-Райз стараюсь объезжать стороной.

Их зовут Лео и Гарри, между ними полтора года разницы. Лео только что исполнилось девять, а Гарри весной будет восемь. Оба унаследовали темные, непокорные кудри Брама и бледные, мягкие губы; ростом наверняка тоже в него пойдут. Из-за небольшой разницы в возрасте Гарри повторяет жизненный путь Лео, идет «по свежим следам», так сказать: переходит из класса в класс к тем же учителям, в те же группы в бассейне. На бумаге их жизни похожи, а по характеру мальчики совершенно разные.

Гарри у нас смелый: спокойно смотрит взрослым в глаза, а голос у него как сирена с единственной настройкой. Принципиально не ищет утешения: поранится, поскользнется на мокрых ступенях или упадет с дерева – и уходит в слезах, уклоняясь от протянутых рук и успокаивающих слов.

Лео, наоборот, плакса, любит обниматься, стремится всем угодить. Наверное, из-за этого у меня с ним более тесная связь. В младенчестве у него была сильная аллергия, пару раз пришлось даже вызвать «скорую», пока не выписали нужные лекарства. Мы до сих пор держим их под рукой на случай рецидива.

Я обсуждала с ним новый уклад жизни, пока мы разгружали посудомойку. Гарри предпочитает накрывать на стол, а посудомоечная машина находится в ведении Лео.

– Ну, и что ты думаешь? – спросила я его.

– Нормально.

– Ты понял, как все устроено?

– Наверное.

– На самом деле мало что изменится. Наша семья по-прежнему будет жить здесь, только мы с папой – по очереди.

Насколько детям важно видеть своих родителей вместе? Если бы мы не объявили новость как бы между прочим, когда бы они сами заметили, что дома теперь только один родитель? Может, и не скоро.

– У тебя есть вопросы?

Лео задумался, глядя на последнюю партию чистых приборов, зажатую в кулачке. Он не привык задавать вопросы, это Гарри у нас «почемучка». Лео принимает жизнь такой, какая она есть.

– Может, тебе что-то непонятно? – подбодрила я.

Я наблюдала за тем, как он пытается что-то сообразить, задумчиво глядя на вилки с ложками. А может, просто думает, что бы приятного сказать. Или никак не решит, кто я: жертва, которую надо поддержать, или зачинщик беды, которого надо отвергнуть. Наверное, ни то, ни другое.

Наконец его лицо прояснилось.

– Почему у нас столько ложек?

Он был так счастлив, когда я расхохоталась.

Ох, Лео, мой Лео! Только бы эта история не оставила в его сердце незаживающий шрам, хотя в это уже трудно поверить...

Брам, выдержки из файла Word

Гарри, бедняжка, заплакал все глаза, когда я объяснил новый расклад – а ведь он почти никогда не плачет. Он у нас семейный стойк.

– А вы с мамой еще женаты?

– Да, конечно. Пока что.

– Тогда почему вы не живете вместе?

– Это называется «мирное урегулирование», сынок. Мы не живем вместе, чтобы не ссориться, ведь это вредно для всех, особенно для тебя и Лео.

– А мы поедем на каникулы?

– Наверное, пока нет. У нас пока недостаточно денег.

– Мама сказала, что мы можем поехать к Тео в Кент – мы всегда туда ездим.

– Ну вот и хорошо.

Тео – сын Роджа и Элисон. Ясное дело – зашевелилась «команда Фии», женщины-матери смыкают ряды вокруг нее.

– А ты женишься на другой? – спросил Гарри. – Она тоже будет жить с нами?

– Нет, разумеется! Я женат на маме, мы не собираемся разводиться.

«Пока», беззвучно выговорил я, когда он отвернулся, хоть это было и неправильно. Конечно, нехорошо давать ребенку надежду, но я уже и сам начал в это верить.

И тут вы спросите, зачем же я все-таки разрушил свой брак? Наверное, тогда я не понимал, как сильно хочу его сохранить. Видимо, мной двигало желание умереть – отсюда и предсмертная записка.

Глава 12

«Рассказ Фии» > 00:46:21

Итак, вернемся к схеме «птичьего гнезда».

Первая пятничная смена оказалась до разочарования обыденной, особенно учитывая, что Брам фактически въезжал обратно – как будто мы не расстаемся, а сходимся. Вид его одежды, свисающей с кресла в спальне для гостей, мало чем отличался от тех времен, когда он поздно приходил домой и не хотел беспокоить меня своим храпом.

– Можно мы переночуем в домике? – спросил Гарри.

Это у них новый способ отмечать торжественные события (иногда разжигают костер). Брам метнул в мою сторону быстрый взгляд.

– Снаружи немного сыро, – ответила я.

Который день лил дождь, канавы переполнились, и газон превратился в болото. У подножия горки собралась лужа, а когда мальчики заходили домой после прогулки, их носки противно чавкали по кухонному полу.

– Поставим палатку в гостиной, – предложил Брам, и мой отъезд заглушили радостные вопли.

Собственно, такова и была наша цель: организовать все так, чтобы мальчики не замечали, кто пришел, кто ушел... Непрерывность.

Я неторопливо прогулялась через парк. На закате «Бэби-деко» выглядел соблазнительно: белый с золотом торт на фоне розового неба; однако внутри все оказалось меньше и как-то... проще, чем я запомнила с первого раза. Лифт – кошмар клаустрофоба, узкий коридор, химический запах свежей краски – совсем не то, что привычный аромат заляпанных глиной кроссовок и остатков пасты болоньезе.

Что касается самой квартиры, она походила скорее на номер в отеле: можно разглядеть всю обстановку, не поворачивая головы. Кровать (размер три четверти, не евро), кофейный столик, стеллажи, два небольших уютных кресла. Никакой обеденной зоны – короткая барная панель, а к ней пара дешевых табуретов, которые Брам привез из «ИКЕИ».

В ванной не было горячей воды, а урчание холодильника со временем переросло в рев реактивного двигателя, но я не стала звонить Браму. Мы договорились на одну ежевечернюю эсэмэску после того, как дети уложены спать, – кроме, разумеется, неотложных случаев.

По крайней мере телевизор работал – один из наших старых, маленький экран хорошо вписывался в ограниченное пространство. Когда я уселась на диван с миской равиоли и включила эпизод «Современной семьи» (очень в тему!), ощущение дискомфорта снизилось до уровня временной апатии, свойственной ночевкам в служебных помещениях.

– Понадобится время, чтобы привыкнуть, – предупреждала Роуэн. – Вам будет некуда себя деть, нечем занять без обычной беготни за детьми. Отпустите свои эмоции на свободу, не казните себя – это совершенно естественно.

Значит, так чувствовал себя Брам те прошлые несколько ночей, не говоря уж о месяце изоляции у матери? Одиночный пилот, отрезанный от группы, вынужденный без конца намамтывать круги в зоне ожидания.

Я выложила туалетные принадлежности на свободную полку в ванной. По предварительной договоренности Брам сунул постельное белье в машинку, и – по договоренности – я его вытащила и развесила сушиться на кухне.

Да, я предполагала, что нам будет трудно сосуществовать в таком режиме, педантично разделять бытовые обязанности, которые мы так долго выполняли вместе (у каждого теперь своя полка в кухонном шкафчике, как у студентов!). Временами это казалось мелочным, ниже нашего достоинства; иногда – непередаваемо печальным.

Впрочем, в первый вечер я не позволяла себе думать о таких вещах – и уж точно не позволяла себе плакать. Умылась, почистила зубы, надела пижаму, походила туда-сюда, как в номере отеля. Заснула сразу же, хотя ожидала, что всю ночь не сомкну глаз.

На следующий день позвонила мальчикам по «Скайпу», улучив момент затишья между уроками плавания и вечеринкой в честь дня рождения, которая проводилась на городской ферме. Дети препирались насчет того, кто выберет ламу в качестве любимого животного – неписанный закон запрещал выбирать одно и то же. Вечером я поехала к родителям в Кингстон и уговорила себя остаться на ночь: на электричке возвращаться поздно, да еще такси дорогое...

Если бы мне сказали, что через несколько месяцев я перееду к маме с папой, я бы pokrутила пальцем у виска.

Брам, выдержки из файла Word

Как ни странно, квартира с самого начала пришлась мне по душе, и не потому, что я стремился вырваться от матери. Я не чувствовал себя одиноко, ведь меня ждало возвращение в родной дом, пусть и на правах очередности. Квартира принимала молча, ничего не требуя взамен. Насколько я помню, адрес не знал никто, кроме коммунальных служб, а в наши дни так приятно быть «вне зоны доступа».

К тому же машина осталась на Тринити-авеню, и можно выбросить из головы хотя бы этот «обломный» момент.

Я вел себя наилучшим образом и готов был придерживаться любых правил, которые устанавливает Фия. Ну ладно, может, позже, когда все полетело к чертям, я представлял себе, что мы снова сойдемся, что она спасет меня от меня самого, раз и навсегда... А пока я радовался тому, что мы дышим одним воздухом, и у нас есть общий кусок пространства – хоть и предназначенный для расставания, как ни парадоксально. По крайней мере, изначально это был наш общий «секрет».

«Рассказ Фии» > 00:51:18

Дома у нас старинные подъемные окна с красивыми вкраплениями на стекле. В квартире – двойные стеклопакеты по последнему слову техники; вроде бы самоочищающиеся (я никогда не обращала внимания).

Дома у нас лепные карнизы и напольная плитка, выложенная геометрическими узорами (терракотовый, охра и кобальтовый). В квартире – дешевый плинтус и ламинат, бликующий оранжевым в искусственном свете.

Дома у нас высокие стеклянные двери, выходящие на каменную террасу с шезлонгами из брашированного тика и японскими кленами в горшках. В квартире – балкон, выходящий на шумную подъездную дорогу к парку; местные ее не любят из-за вечных пробок.

Впрочем, все это не имеет значения. Глупо сравнивать в такой ситуации; главное – функциональность.

А семейный уют – для семейных, как выражается Элисон.

* * *

В следующую пятницу я пригласила в гости Полли.

Возвращаясь из Милтон-Кинс, куда ездила по работе, я мечтала о первом бокале «про-секко» (общепризнанный эликсир женского сообщества Тринити-авеню; когда в газетах написали о дефиците, некоторые из нас плакали).

– Ничего не понимаю! – воскликнула Полли, встретившись со мной у подъезда. – Как вы можете позволить себе еще и квартиру?

– Потому что мы ужасно старые, и у нас небольшой платеж по ипотеке – по крайней мере, по нынешним безумным стандартам.

Прошлые обиды (я купила дом во времена, когда цены были нормальными) улеглись после того, как родители помогли сестре с первым взносом за квартиру в Гилфорде; и все же порой в разговорах на эту тему сквозило легкое недовольство.

В лифте мне вдруг пришло в голову, что здесь нет камеры наблюдения. А если застрянешь? Кто ответит, если нажать на кнопку вызова? Консьержа в подъезде не было, с соседями пока не удалось установить контакт: молодые хипстеры не обращали внимания на скучную тетку средних лет.

Я открыла дверь с тревогой, как в прошлый раз, и пропустила вперед Полли.

– Ничего так, миленько... О, да тут еще и балкон!

– Да, только на северную сторону, к тому же выходит на шумную дорогу. Брам считает, что это один из домов по программе социального жилья.

Полли презрительно фыркнула.

– И поэтому они сдали квартиру людям, которые могут позволить себе громадный дом на Тринити-авеню? М-да, социальная программа в действии!

– Наверное, Брам не упомянул о доме, – предположила я.

Не ожидала такого, честно говоря: приходилось не то объяснять, не то оправдываться...

Пока я разливала вино, Полли исследовала оставшуюся часть квартиры. Потом мы уселись в два жестких кресла с грубой грязно-серой обивкой, будто собирались записывать интервью.

– Ну и как Брам себя ведет? – спросила Полли.

– Довольно неплохо. Я бы даже сказала, он стал чуть ли не...

– Что?

– ...послушным.

– Послушным? Брам? – хохотнула Полли. – Не может быть! Это его хороший близнец, о котором он тебе никогда не рассказывал, и они незаметно поменялись. Настоящий Брам сейчас на Гоа, оттягивается на пляжной вечеринке. Ну или, на худой конец, в пабе сидит.

– Да, звучит бредово, но так и есть. В среду вечером у Брама был почти благодарный вид. Думаю, понял, какое это для него спасение.

– Да уж надеюсь! – воскликнула Полли. – Сообразил, что висел на волоске! Любая другая выставила бы его с концами!

Даже теперь, когда мы расстались, когда от шрамов загрубело сердце, считалось, что я слишком мягка с ним. Представляю, как Полли рассказывает друзьям: «Прикиньте, она его наконец-то выгнала! И знаете, куда? Не поверите – в соседнюю комнату!»

– Знаешь, эта твоя программа «птичьего гнезда» на бумаге выглядит заманчиво, либерально, в духе времени и все такое... Только можно ли ему доверять? Целые выходные без присмотра? Ты преспокойно могла бы получить полную опеку над детьми и жить дома постоянно. Зачем ты его балуешь?

– Потому что Брам – центр их вселенной; во многих смыслах он – лучший родитель, чем я. С ним они смеются, орут и ходят на ушах.

– И это, по-твоему, хороший родитель? Нет уж, я предпочту скучного, который сумеет их умирить – и да, оградит от последствий измены.

Я улыбнулась.

– Что ж, у них есть оба варианта. А скучный родитель хочет, чтобы они жили в своем доме, спали в своих постелях, а не на раскладушках где-нибудь на съемной квартире вроде этой. Я хочу, чтобы у них было привычное детство: футбол с папой в саду, возня с постройкой домика для собаки, которой у нас никогда не будет...

– М-м... – Полли не сильно волнует благополучие племянников. Со своим другом она встречается не больше года и, не имея детей, наверняка считает, что никогда не окажется в такой идиотской ситуации. – А если кто-то из вас начнет ходить на свидания?

– Никаких проблем. Разве что мы договорились не приводить на Тринити-авеню посторонних.

– «Посторонних»? – подняла бровь сестра. – В «Тиндере» они по-другому называются.

– Без разницы. Я слишком стара для этого, так что не проблема.

– Тебе всего-то сорок с небольшим!

– А чувствую себя на все сто... с небольшим.

– Потому что ты жила с Брамом. Вот он бы ни капельки не постеснялся привести сюда «посторонних».

– А я ни капельки не постесняюсь ему это запретить, – возразила я.

Сестра призадумалась и наконец вынесла вердикт в мою пользу (чисто случайно):

– Ну что ж, надо сказать, действительно оптимальное решение. Тебе достались самые лучшие вечера «для взрослых»: пятница и суббота. Можно спокойно заниматься личной жизнью отдельно от Брама, от детей. От всех.

Я засмеялась.

– Какая личная жизнь, не смейся...

– Ну, может, не сразу. Я даю тебе месяц.

Полли в своем репертуаре: всегда уверена, что знает лучше всех. Думает, все повидала в жизни.

Хотя даже она признает теперь, что такого никак не могла предположить.

#жертвафия

@LorraineGB71 Нутром чую: в этой квартире случится что-то ужасное!

@KatyEVBrown @LorraineGB71 Не зря там никто дольше полугода не продержался... *включает зловещую музыку*

Глава 13

Брам, выдержки из файла Word

Ладно, достаточно прелюдий. Ложь, измена, благие намерения – я думаю, вы уже представили общую картину: я был придурком еще до той трагедии, которой могло бы не случиться. Собственными руками вырыл себе могилу.

(Не самая уместная метафора, если подумать).

Это произошло в третью пятницу нашей новой жизни. На работе устраивали корпоративный выезд в Гатвик; я должен был провести его вместе с другим менеджером, Тимом (к счастью, тот заранее написал сценарий). Дорога получалась сложная, надо было делать пересадку на станции Клэпэм, а потом брать такси. Я опоздал на первый поезд из Элдер-Райз и понял, что не успеваю вовремя – еще до того, как на табло загорелось предупреждение: «Задерживается». Стоя на забитой людьми платформе, я не мог не вспомнить об «ауди», припаркованной в двух шагах на Тринити-авеню. В нашем общем календаре никаких мероприятий после школы не намечалось. Самое главное – Фии не было дома, вопреки обычному раскладу по пятницам: именно сегодня она уехала с Элисон на блошинный рынок в Ричмонд. Значит, можно прокрасться в дом и забрать ключи от машины, не столкнувшись нос к носу.

В общем, я ускользнул со станции, не привлекая внимания, и направился домой мимо школы, по Уиндэм-Гарденс. Сперва я подумал: надо бы скинуть Фие эсэмэску про незапланированное посещение дома, однако времени было в обрез.

И слава богу, что я этого не сделал: текст, подтверждающий мое намерение сесть за руль в тот день, мог бы сдать меня с потрохами.

Превышая скорость лишь на участках без камеры, пробираясь сквозь редяющий поток машин на исходе часа пик, я добрался до отеля в Гатвике за несколько минут до начала, произнес какую-то чушь, написанную Тимом, а потом целый день дурел от невыносимой скуки под названием «стратегический тимбилдинг».

(А, вспомнил! После ланча – на котором я ограничился двумя бокалами вина – у нас был мастер-класс по плетению корзин. Твою мать!)

Так, теперь перематываем на обратный путь. Я не только устал, но и перенервничал: отчасти из-за необходимости побыстрее вернуть машину, отчасти из-за появления нового менеджера по персоналу.

Последний месяц Саския забрасывала меня письмами по электронной почте: ранее фирма осуществила слияние с конкурентом, и нужно было заново оформить контракт, в котором, среди прочего, требовалось отметить пункт о нарушении ПДД (я уже говорил, что не сообщил на работу о лишении прав? Даже на этой стадии я продолжал совершать ошибки и промахи). Я долго тянул резину, избегал встречаться с ней взглядом, и все-таки на выходе ей удалось меня подловить.

– Все продавники уже отдали мне контракты, вы последний. Не забудьте занести в понедельник!

Молодая и привлекательная, Саския прекрасно знала себе цену, что лишь добавляло нервозности.

– Или я оформлю новый, а вы найдете время и ознакомитесь между делом? – предложила она.

– Да, конечно, не вопрос! – пообещал я и поспешно затерялся на местности, чтобы она не видела, как я иду к машине (специально припарковался подальше, за углом).

Если вдруг всплывет история с лицензией, лучше обойтись без лишних свидетелей.

Так больше продолжаться не может, думал я. Постоянные уловки, это вечное «на всякий случай»... Надо всем рассказать, в первую очередь – Фие. Конечно, она будет в шоке и тяжело воспримет не только потерю лицензии, но и затянувшуюся ложь. Может, лучше представить эту историю как недавнюю? Мол, все началось в августе, когда мы не общались... Ну что уж такого страшного может произойти?

А вот что: Фия спустит саму идею «птичьего гнезда» в канализацию, останется жить на Тринити-авеню с ребятами, а меня выгонит на квартиру. Или даже так: необходимость экономить отпадет, из квартиры меня попросят, и я превращусь в очередного унылого мудака, живущего у родителей или у друзей. Мамина квартира в Пендже. Блюда из детства. Воздержание.

Конечно, теперь я понимаю, что и такие последствия могли бы показаться раем. В конце концов, я мог бы договориться с Фией. Даже на пределе терпения она вовсе не была монстром. К тому же закон защищает права отцов на посещение детей, и куда худшие ублюдки, чем я, регулярно видятся со своими отпрысками.

Итак, я возвращался домой, привычно избегая главных магистралей, выбирая вместо них параллельные маршруты без камер наблюдения и жилые районы вроде Сильвер-роуд в Торнтон-Хиф. Именно здесь я и застрял позади белой «тойоты».

Я начал мигать водителю фарами, чтоб пошевеливался.

Не забудьте в понедельник занести!

Я поморщился, вспоминая голос Саскии, низкий и приторный, словно она занималась психотерапией, а не бюрократией... Тут я потерял терпение и пошел на обгон. Не надо было связываться – ох, не надо! Если бы я привык держать себя в руках, то не оказался бы в такой ситуации; не дергался бы, придумывая, что сказать Саскии или Фие; не потерял бы права; не сел бы за руль... Не расстался бы с женой. Увы, на тот момент я был другим человеком: отравленным жалостью к себе, охваченным мимолетным, мелочным желанием взять верх над посторонним.

Ну и тот, видимо, оказался не лучше: едва я начал перестраиваться, как он прибавил скорость, оттесняя меня обратно на встречную полосу. Секунду-другую мы ехали бок о бок, буквально в нескольких дюймах друг от друга. Я и не глядя догадывался, что он бормочет себе под нос ругательства, и заранее состроил ответную наглую ухмылку. Так и есть: массивная челюсть, жесткие глаза, солидное телосложение. И уже не просто ругается, а натурально взбешен. Прилив адреналина, который я испытал при виде его ярости, оказался столь мощным, что в нем потонули все доводы разума; нажимая на педаль газа, я почувствовал, как высвобождается весь страх, вся беспомощность последних месяцев...

И тут на встречной полосе показалась машина. Я нажал на тормоз, готовый принять поражение, пристроиться за «тойотой» и увидеть торжествующий средний палец. Однако все вышло не так. К моему замешательству, водитель «тойоты» тоже нажал на тормоз, блокируя мои попытки пристроиться за ним. Так мы и ехали бок о бок, как привязанные. Наша скорость падала одновременно: тридцать, двадцать пять, двадцать, – а встречная машина, маленький курносый «фиат», и не собиралась замедляться. То ли водитель решил, что мы успеем разобратся, то ли попросту не следил за дорогой. Одному из нас нужно срочно убираться с полосы, иначе мы столкнемся лоб в лоб! В последнюю секунду «фиат» резко свернул, почему-то ускорившись, и врезался в машину, припаркованную у дома. Раздался жуткий звук – не грохот, а скорее скрежет; даже с закрытыми окнами я чуть не оглох – не представляю, как это звучало снаружи. Только теперь я перестроился на нужную полосу, не осмеливаясь посмотреть через плечо, и остановился на обочине. Чуть впереди ждала «тойота», водитель поднял телефон – видимо, собирался вызвать помощь. Внезапно погасли стоп-сигналы, взревел мотор, и «тойота» умчалась прочь.

Я сидел в машине точно парализованный, борясь с подступающей тошнотой; в ушах вопил резкий, отчаянный внутренний голос:

Соберись, тряпка! Обернись!

Возвращайся! Выйди уже наконец из машины и помоги людям!

Ну хоть «скорую» вызови!

Шевелись!

Мои руки блуждали по карманам, по приборной панели, ощупывали дверной карман, набитый пластиковыми стаканчиками и деталями игрушек. Наверное, на заднем сиденье. Правая нога до сих пор держала педаль тормоза и уже начинала затекать. Я включил ручной тормоз и потянулся назад, ремень безопасности врезался в плечо...

И тут я вспомнил, кто я: человек, лишенный водительских прав, без страховки, да еще выпил лишнего, да еще нарушал в прошлом закон (об этом позже). Плюс создание аварийной ситуации (не говоря уже о человеческих жертвах и ущербе собственности). Мне светит тюрьма, без вариантов. Стыд... Тюремное заключение... Насилие... Детей отберут... Конец всему.

Так, спокойно, глубокий вдох.

Думай.

Дорога пустая, на тротуаре никого. «Тойота» давно скрылась. Ощущая в голове странную легкость, без единой мысли я снялся с ручника, нажал на педаль газа и отъехал.

Каким-то чудом мне удалось проехать пятьдесят метров до следующего перекрестка в полном одиночестве – никто не ехал навстречу. В зеркале заднего вида мелькнула машина: водитель подъехал и остановился, чтобы помочь – как любой нормальный гражданин.

Глядя в зеркало, я ожидал увидеть дым или еще какое-то свидетельство побоища... Нет, ничего. Те же крыши, то же небо.

«Рассказ Фии» > 00:57:22

В третью пятницу я запланировала ночевку у друзей в Брайтоне. Без определенной стратегии, просто избегала оставаться в квартире одна – несмотря на зверскую усталость после дня, проведенного с Элисон (не говоря о переживаниях по поводу расходов на поездки туда-сюда).

В семь часов приехал Брам. Он выглядел каким-то подавленным – наверное, тоже еще не встроился в режим и пытался сгладить острые углы там, где практика заменила теорию.

– Сложно привыкнуть, да?

– А?..

– К новому раскладу.

Брам не успел ответить: из комнат выбежали мальчики, пихаясь локтями на лестнице, и скатились вниз запутанным клубком.

– Папа, папа! Мы не будем рано ложиться, да?

– Заткнись, Гарри!

– Сам заткнись!

– Я первый сказал! Но мы же не будем, правда?

Судя по всему, папина смена предназначалась для веселья, в противоположность моим скучным школьным будням. Роуэн предупреждала об этом неизбежном последствии выбранной схемы. Нужно помнить, что мы не соревнуемся за родительскую популярность; мы – товарищи, а не соперники. Больше не пара, но все-таки партнеры.

– Не допоздна! – велела я мальчикам. – Папа решит, он за главного. Брам, у тебя все нормально? – Только теперь я заметила предательскую бледность жуткого похмелья.

– Да, конечно. Ты же знаешь эти корпоративы – к концу дня жить не хочется.

Я кивнула, мое сочувствие ослабевало. Я и не знала, что у него был корпоратив. Если прошлой ночью опять напивался, то чего он хотел? К тому же я больше не обязана выслушивать

нытье по поводу работы (ни он мое, будем справедливы). Пока мы оба вносим финансовый вклад и соблюдаем условия соглашения, все остальное неважно.

– По квартире есть новости?

– Нет... – Брам попытался сосредоточиться. – Горячая вода вроде наладилась. В холодильнике молоко, до утра доживет.

– Спасибо, только я завтра буду поздно – еду в Брайтон.

Брам слегка встревожился.

– Берешь машину?

– Нет, тебе же понадобится: везти детей в бассейн, а потом Лео на день рождения в Далич, ты не забыл? Я еду поездом. В гости к Джейн и Саймону, – добавила я, хотя он и не спрашивал. Если интересно, может посмотреть в нашем общем календаре. – Ну, поцелуйте маму!

Я развела руки, однако Гарри с Лео уклонились от моих объятий.

– У нас мужской клуб, – заявил Гарри с жестокой детской непосредственностью.

#жертвафия

@IngridF2015 У него явно проблемы с выпивкой, бедная Фия!

@NJBurton @IngridF2015 Или он просто обычный мужик, а она – лицемерная с...

@IngridF2015 @NJBurton Чего?! Она – жертва! #жертвафия, разве не ясно?

Брам, выдержки из файла Word

В тот вечер я смотрел с ребятами аниме. Я запретил себе брать в руки телефон или ноутбук, чтобы не сорваться на лихорадочный поиск новостей об аварии. Оставалось лишь мучительно ждать местный десятичасовой выпуск...

Тишина.

Как это понимать? Неужели травмы оказались поверхностными, несмертельными?

Я представил себе, как из «фиата», пошатываясь, медленно выбирается человек – в глубоком шоке, но живой и невредимый... Все, что запомнил водитель, – лихость «тойоты», а безответственный обгон «ауди» выпал из поля зрения. В конце концов, все произошло буквально за секунды – слишком быстро, слишком ужасно, чтобы запомнить детали...

И тут перед глазами всплыли детали.

Я успел заметить марку, модель, даже год регистрации: 2013-й.

А впереди сидел не один человек, а двое.

Взрослый и ребенок.

Глава 14

Брам, выдержки из файла Word

Без преувеличения, это был самый невыносимый уик-энд в моей взрослой жизни: запертый в тюрьме своих мыслей, я не мог думать ни о чем другом, кроме аварии. В субботу утром я отвез мальчиков в бассейн на автобусе, притворившись, что не нашел ключи. На сей раз удалось выкрутиться, но так продолжаться не может – рано или поздно они доложат Фие. В голову пришла полубредовая мысль: а может, придумать какую-нибудь болезнь? Эпилепсию там, или проблемы со зрением...

По счастливому стечению обстоятельств (счастье – понятие относительное) библиотека через дорогу от бассейна оказалась открыта. После урока я засунул мальчиков на какие-то чтения, а сам засел за местный компьютер.

Поиск не занял много времени.

ЖЕРТВЫ АВАРИИ В КРИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ

В результате вчерашнего столкновения на Сильвер-роуд в Торнтон-Хиф двое человек получили серьезные травмы, и сейчас в реанимации Кройдонской больницы врачи борются за их жизнь. Полиция призывает свидетелей, находившихся в том районе между 17:45 и 18:30, поделиться любой информацией.

Владелица припаркованного «пежо», в который врезался «фиат», успела разглядеть удаляющуюся машину темного цвета, предположительно «фольксваген» или «ауди»; к сожалению, ей не удалось рассмотреть ни модель, ни регистрационный номер. В аварии сильно пострадала ее собственная машина. «Это мелочь по сравнению с тем, что случилось с людьми», – говорит Лайза Синг, врач. В прошлом она безуспешно подавала петиции на установку камер на Сильвер-роуд. «В утренний час пик сюда устремляется большой поток», – добавляет она.

Представитель городской полиции сообщил, что машина темного цвета не остановилась на месте аварии; в данный момент мы пытаемся определить ее местонахождение.

Первая мысль: «фольксваген» или «ауди» темного цвета. Ну все, меня видели, меня посадят.

Жизнь кончена.

Я едва не закричал от ужаса и лишь нечеловеческим усилием воли сумел взять себя в руки.

Так, спокойно.

Явного опознания пока не было, приблизительное, да и то издалека.

По дорогам Британии ездят сотни тысяч темных «фольксвагенов» и «ауди». Черный вообще один из самых популярных цветов.

Потом (и только потом, к моему стыду): «борются за жизнь» – что это значит? Господи, пусть это будет стандартное газетное клише – журналисты ведь любят раздувать из мухи слона, а на самом деле там пара сломанных ребер.

И возвращаясь к машинам: «тойоту» вообще не упомянули, обидно! С другой стороны, погодите-ка... А ведь это хорошие новости! Если того урода найдут, он опознает не только марку машины, но и меня в лицо. Нет, пусть лучше остается в тени.

Так, дальше: камеры. На Сильвер-роуд их нет, это хорошо. Газетчики приучили нас думать, что камеры буквально на каждом углу, что мы находимся под неустанным наблюдением властей, не говоря уже друг о друге. Покинув место аварии, я долго петлял зигзагами по жилым районам, избегая магазинов, кафе и прочих публичных мест, где могли висеть камеры. Интересно, а на остановках они бывают? А на частной территории? А у полиции есть доступ к спутникам?

Ну все, началась паранойя...

А судмедэксперты? Вдруг на машине остались следы краски или пыли с того «фиата»? Если заехать на автомойку, это вызовет подозрения? А у них там есть камеры? Наверняка. Если помыть самому, соседи запомнят, даже отметят как необычное поведение («Да, бывает, некоторые моют машины по выходным, но чтобы Брам вдруг, ни с того ни с сего...»). А следователи как раз ищут необычные детали, не вписывающиеся в повседневность. Сломанные шаблоны и тому подобное.

Все эти мысли пронесли у меня в голове за пару минут. Так и рехнуться недолго...

«Рассказ Фии» > 01:00:14

Я хорошо помню то воскресенье, но это не связано с Брамом. Вернувшись из Брайтона в субботу вечером, я сразу улеглась в постель с книгой, а утром пошла на пилатес – впервые за долгие годы. Шагая по улице с рюкзаком и бутылкой воды, я чувствовала себя актрисой, играющей роль бездетной хозяйки своей судьбы, и представляла, как буду в понедельник рассказывать об этом коллегам, особенно молодым, вроде Клары; порой, когда я излагала подробности выходных с детьми, у нее появлялась такая натянутая улыбка.

Уже на выходе я бросила взгляд на стеклянную стену, отделяющую фойе от зала, и заметила знакомую фигуру: Мерль. Начиналась йога, она немного опоздала и теперь стояла, прикидывая, где бы расстелить коврик. Надо же! Она всегда казалась уверенной в себе, но в тот момент выглядела такой... не знаю, незащищенной, что ли.

Вроде только вчера мы высмеивали «йожиков» и прочих фитоняшек Элдер-Райз. Заняться им больше нечем, хихикали мы; разве Эммелин Панкхерст³ заботилась о мышечном тоне?

И что теперь? Вот и мы не устояли перед вирусом неуверенности в себе, который приносит с собой средний возраст.

Да, пожалуй, главное откровение того периода: мы стареем, нравится нам или нет!

Ну все, началась рефлексия...

Брам, выдержки из файла Word

В воскресенье я сдал мальчиков Фие, едва обменявшись с ней парой слов, и поспешил на станцию, чтобы ехать в Кройдон. На главной улице нашлось полузабытое обшарпанное интернет-кафе, и я засел искать дополнительные подробности о жертвах аварии.

Все оказалось хуже, чем я ожидал: у обеих тяжелые травмы головы, грудной клетки и таза; у одной даже диагностировали остановку сердца. В сознание пока никто не приходил.

Фамилии жертв не указывались – уже хорошо. Безликие, безымянные, они меньше походили на людей: не то чтобы жертвы из плоти и крови, а скорее некие символы общей несправедливости. Что касается правонарушителя, о нем ничего нового не сообщалось; *его* (именно так, в мужском роде) пока найти не удалось.

³ Эммелин Панкхерст (1858–1928) – лидер британского движения суфражисток.

Я разыскал адрес больницы – недалеко от станции Вест-Кройдон – и направился туда без четких намерений (посылать сквозь стены исцеляющие волны? Прошептать анонимные извинения?). Однако у главного входа я заметил камеры и развернулся.

Вместо этого я сел на автобус, маршрут которого лежал через Сильвер-роуд («повезло» сесть у окна с видом на место аварии). «Фиат» и «пежо» уже убрали, но подъездная дорога к дому все еще была огорожена ленточками. Столб у ворот снесен, кусты примяты, одно из окон на фасаде заколочено – видимо, разбилось от удара. Рядом полицейский стенд: *«Ищем свидетелей аварии, произошедшей здесь в пятницу 16-го сентября в промежутке с 18:00 до 18:15»*, и номер телефона для связи.

Это было в 18:05 – я успел заметить время на приборной панели, когда отъезжал.

Под кустом лежали цветы, некоторые еще в обертках. Каждый букет положен отдельно, с особой тщательностью.

Глава 15

13 января 2017 г.

Лондон, 13:45

Взял два дня за свой счет – так сказал Нил, начальник Брама. Такое, конечно, не приветствуется, ведь только что прошли новогодние праздники. Хотя Брам давно уже сам не свой – с тех пор, как... начались проблемы в семье. В общем, его не видели с полудня среды и не ожидают раньше понедельника.

– Вроде бы собирался помочь матери перевезти какие-то вещи на хранение. – Громкий, бодрый голос; на фоне пятничный расслабленный смех – наверное, сидит где-то в кафе.

– Нет, он точно не с ней, – отвечает Фия.

Бессмысленно упоминать про легенду с «ремонтom». А вот идея насчет перевоза вещей – уже интересно... Логичнее предположить, что Брам перевозил их вещи, а вовсе не материнские?

– Погоди-ка... – Нил выпускает протяжный свист. – А он, случайно, не лег в клинику лечиться от алкоголизма?

– Нет, конечно! – Даже в состоянии шока Фию покорила сама мысль о подобном.

– Это хорошо, а то бы задержался подольше. Да объявится, не переживай! Ты ж его знаешь!

А если нет, думает Фия, вешая трубку. А если она его совсем не знает?

– На работе Брама тоже не видели, – докладывает она Люси Воэн.

Та снова вернулась к чайнику – наверное, все еще надеется «усмирить» Фию чашечкой чая. Судя по неумовимо изменившейся манере поведения после телефонного разговора со школой, Люси явно считает, что у Фии не все дома. Не то чтобы амнезия; скорее психоз. Надо попытаться ее успокоить, а тем временем дожидаться подкрепления в лице мужа. Наверняка сто раз пожалела, что отпустила грузчиков пить кофе.

Вообще-то, Фие уже легче: в туманной пелене начинают проступать отдельные детали: у Люси чайник хромированный, а у нее – черный; чашки белые, а у нее – зеленовато-серые; стол дубовый, а не из стали (Элисон помогала выбирать). Все это улетучилось, испарилось вместе с остальной жизнью на Тринити-авеню.

– А когда вы последний раз видели Брама? – спрашивает Люси, разливая по чашкам дымящийся кипяток и выбрасывая отжатые чайные пакетики в пластиковую сумку из «Сэйнсбериз» – временный заменитель мусорного ведра.

– В воскресенье. Но я разговаривала с ним вчера и в среду.

Пропасть между невинными планами последних дней и тайнами сегодняшнего дня начинает казаться непреодолимой. В среду Брам ушел с работы пораньше, чтобы забрать мальчиков из школы. Фия планировала уехать на пару дней, неспешно вернуться этим вечером и переночевать в квартире. Домой, к мальчикам, она собиралась лишь в субботу утром; да, это было отклонение от стандартной схемы, но разовое – со следующей недели все возвращалось на свои места. Если бы она не приехала раньше времени за ноутбуком или оставила его на квартире, то не узнала бы, что мальчики у бабушки, а в доме поселились какие-то Воэны. По крайней мере, не сразу. Получила бы отсрочку...

Люси открывает пакет с молоком и добавляет по капельке в каждую чашку.

– Ну вот... – Она протягивает Фие чашку с таким видом, словно та вот-вот подскочит и плеснет в нее кипятком. – Не волнуйтесь, он скоро с вами свяжется, и мы уладим возникшее недоразумение.

Люси продолжает использовать слово «недоразумение», как будто все это – легкая комедия. Как в тот раз, когда Мерль заказала печенье, а его доставили Элисон, и дети съели их, не посмотрев на адрес. Подумаешь, какой пустяк! Забыли, неважно.

Фия смотрит в окно. Там, по крайней мере, все по-прежнему, каждый кустик на своем месте. Сетка. Качели. Горка, змеей извивающаяся с крыши игрового домика.

– Я собиралась его снести, когда дети вырастут.

Явно шокированная, Люси нервно облизывает губы и, словно желая предотвратить возможную агрессию, уводит разговор в практическое русло:

– Может, позвонить в школу и сообщить, что ребята нашлись? Они там, наверное, перепугались...

– Ах да, надо бы...

Отвлечшись от своих мыслей, Фия никак не может найти телефон. Она выворачивает на стол содержимое сумки и лишь потом вспоминает, что телефон в кармане. Находит номер школы и оставляет миссис Эмери голосовое сообщение, скомканно извиняясь.

Нажав отбой, Фия замечает, что взгляд Люси прикован к вещам, разбросанным на столе, а именно к пузырьку с таблетками. Судя по выражению лица, подтвердились ее наихудшие опасения.

– Это не мое, – уточняет Фия, запихивая вещи обратно в сумку.

– А... – В глазах Люси мелькает жалость пополам с удвоенной тревогой. Видимо, подзревает у Фии расстройство личности: какая-то женщина возомнила себя бывшей владелицей дома и заявила в помутненном состоянии рассудка. – Не хочу показаться любопытной... Это вам недавно выписали? А доктор предупреждал о побочных эффектах? Например, кратковременная потеря памяти или...

– Я же сказала – это не мое! – Фия чувствует, как лицо непроизвольно искажается гримасой.

Сложно в такой ситуации управлять эмоциями, в особенности их проявлением.

Люси кивает:

– Да-да, конечно. А вот и они! – Звенит дверной колокольчик, и Люси вскакивает на ноги чуть ли не с радостью.

Она спешит к двери, и вскоре до Фии доносятся два новых голоса: мужской (возможно, кто-то из грузчиков или муж Люси) и женский (определенно Мерль).

Мерль! Ах да, она же стояла у окна, наблюдала. Наверное, дождалась второго грузовика и решила, что пора вмешаться. Она ведь примет сторону Фии, правда? Увидит ситуацию в том же свете, сразу поймет, что Люси заблуждается, а вовсе не Фия.

Возвращается Люси, воспрявшая духом.

– Ну что ж, приехал Дэвид, и теперь, я думаю, пора звонить нашим агентам.

Прежде чем Фия успевает возразить, что у нее нет никакого агента, поскольку она не продавала дом, на кухню врывается Мерль, чуть ли не оттесняя Люси к плите.

– Ты пригласила этих людей к себе жить? – спрашивает она.

Грудь в алой майке вздымается от возмущения, от нее так и пышет магической энергией.

– Нет, конечно, – приободряется Фия. – Я вообще их не знаю! Я не давала никакого согласия!

Люси протестует, однако Мерль бесцеремонно поднимает ладонь в сантиметре от ее носа.

– В таком случае это незаконное вторжение и причинение беспокойства. Так, я звоню в полицию!

Не следует забывать, что несколько лет назад Мерль работала жилищным инспектором.

Женева, 14:45

Есть хочется. Правда, ему понадобилась минута-другая на осознание – ни спешки, ни предвкушения. Всего лишь вариация уже ставшего привычным: боль. Тоска. Потеря.

Надо поесть – даже если это напомним о тех временах, когда ты делил сосиски между голодными мальчиками, уговаривал их съесть брокколи, хотя внутренне соглашался, что ею только свиней кормить... А может, это напомним о женщине, сидящей напротив в «Ля Моэт», лучшем ресторане в Элдер-Райз, в те времена, когда она еще улыбалась тебе, еще верила в тебя. Интересовалась твоей жизнью, принимала твои недостатки. Когда вы все жили в одном доме, куда привозили из роддома детей...

Так, хватит! Нельзя распускаться! Нельзя поддаваться жалости к себе.

Он выходит из бара (первого попавшегося) и идет по указателям до ближайшего ресторана. Надо подняться на лифте. Почему-то вспоминаются Нил и Саския: в понедельник утром они получают письмо с заявлением об уходе и просьбой перечислить часть зарплаты Фие (сколько там ее осталось).

Ресторан на верхнем этаже, окна выходят на аэропорт. Из-за столика открывается вид на взлетно-посадочную полосу: самолеты похожи на игрушки, а пульт в руках у капризного ребенка. У окружающих вид отстраненный, какой бывает у транзитных пассажиров: слишком рано идти на регистрацию или слишком устали после полета, чтобы успеть сделать что-нибудь полезное за остаток дня. Можно и пообедать.

Он заказывает что-то с картофелем и сыром – блюдо горной Швейцарии. Как и пиво, бокал красного вина не помогает снять тревожность, зато процесс, по крайней мере, знакомый. Наверное, следует быть благодарным за каждую минуту времени, взятого взаймы; за то, что все не закончилось в аэропорту, когда он проходил паспортный контроль. Отчего-то попытка изобразить прежнего Брама, невинного туриста, семейного человека, иногда путешествующего по работе, устроила как служащего, так и рамку, сканирующую пассажиров на предмет жара или вируса (но не чувства вины, как он опасался), и его быстро пропустили.

Забавно: даже забрав багаж и смешавшись с толпой, он все еще ожидал, что к нему подойдут и попросят отойти в сторонку – уточнить, его ли фамилия в паспорте...

Глава 16

«Рассказ Фии» > 01:01:36

Обдумывала ли я другие теории исчезновения Брама? Поверьте на слово, я передумала все. Даже полиция признает, что его затянувшееся отсутствие может быть никак не связано с мошенничеством, что могли быть и другие обстоятельства. Например, его могли убить в случайной драке и спрятать тело; он мог напиться и свалиться в реку (в январской Темзе дольше пяти минут не выжить). Мы сейчас говорим о человеке непостоянном, неуравновешенном; мы говорим об алкоголике.

Да, я знаю, звучит ужасно, и тем не менее: когда полиция спрашивала, что он за человек, чем живет и дышит, первое, что пришло мне в голову, – алкоголь. Я не помню ни дня, чтобы Брам не пил. С другой стороны, на Тринити-авеню такое чуть ли не в порядке вещей. Некоторые мужчины – да и женщины тоже – приходят домой с работы, смотришь, через час уже бутылка вина опустела. Раньше я думала: повезло, что их выбор является социально приемлемым, а потом поняла: все наоборот – они выбирают социально приемлемое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.